

«В 2010-2015 годах территорию России захлестнула волна межнациональных конфликтов и борьбы русских националистов с карательными органами. Скинхеды взрывали и поджигали отделы милиции и прокуратуры, ликвидировали судей. Обычные русские парни уходили в леса и подполье на нелегальное положение для ведения партизанской войны с режимом РФ. Последней каплей для правительства стал “Русский марш–2014”, который перерос в стихийные волнения и массовые беспорядки, большинство участников коих были несовершеннолетними. Выступления молодёжи были жестоко подавлены по личному приказу президента РФ. Как и во Франции в своё время, так и в Москве сейчас, молодёжь мстила полиции неделями погромов, сотнями сожжённых машин и трупами представителей правопорядка и органов власти за каждого убитого подростка. Все эти события привели власти Российской Федерации к радикально-революционному ответу: в большинстве крупных городов был объявлен бессрочный комендантский час. С 21:00 до 7:00 лицам младше 20 лет запрещалось выходить из дома. В свою очередь, это привело к стихийному, массовому, протестному движению молодёжи – т. наз. “Нелегальной молодости”. Подростки и молодые люди уходили из своих домов на нелегальное положение, селились в заброшенных домах и заводах, укрепляя их от полиции по подобию настоящих крепостей. В знак протеста против политики властей, со своими детьми часто уходили и взрослые. Анклавы молодёжи превратились в целые городки, и эти цитадели зачастую контролировали свои районы лучше полиции и государства...».

“Энциклопедия Белой Победы”. М., 2021.

Москва. 2017 год. Где-то на северо-востоке столицы...

Я довольно сильно промок под дождём и уже, наверное, успел простудиться. А это был всего лишь второй день моих скитаний. Второй день, как я убежал из дому. Надо было что-то делать, где-то найти безопасный ночлег для себя и позвонить Светке, чтобы та успокоила маму...

И что я вообще убежал-то? Сидел бы дома, смотрел бы телек. Ну, получил бы пару очередных оплеух от пьяного отчима. Ну и что, не в первой же. Бил он меня сильно, только когда мама была на работе, или когда я давал сдачи (да, и такое бывало!). Да и Светка за меня всегда заступалась, бывало и с кулаками на него кидалась, – какой бы отчим не был бы пьяный, ударить мою хрупкую сестру он всё же не решался. Другое дело я. Меня пожалуйста, бить можно сколько угодно. Хотя мы со Светкой почти ровесники (она на год старше, т.е. ей, соответственно 14 лет). Наверное всё же из-за этой жуткой несправедливости я и сбежал из дому. А может из-за того, что отчим бил, не знаю...

Под такой аккомпанемент невесёлых своих мыслей я и вышел на проезжую дорогу и поплёлся в сторону Свиблово, в надежде переночевать в одном из подъездов старых домов, где домофоны были взорваны в

результате беспорядков два месяца назад. Но тут произошло непредвиденное: меня вдруг кто-то схватил за шкурку и повалил на землю.

– Ты чё, офанарел, с головой не дружишь, не видишь что ли, каратели прут?!

Голос был мальчишеский и, как бы лучше сказать, испуганный, во. Кого там прут и с кем не дружат, мне было по-барабану. Но на всякий случай я притих.

Мимо проехала полицейская машина на всех газах. Хватка на моей шее чуть ослабла, и я тут же вскочил и обернулся. Напротив меня стоял коротко-стриженный парень, мой ровесник, только похудее чуток.

– Ты из какой бригады, – затараторил мальчишка, – из Левобережных или Волков, из наци или Смешанных, из Белых или Сафроновцев?..

– Из Сафроновцев, – согласился я. Понятия не имею, кто это, просто моя фамилия – Сафронов, вот и буркнул сгоряча.

– А-а... Понятно, – чуть расслабился парень, – то-то я гляжу: идёшь, ушами хлопаешь, на дорогу не смотришь, копов чуть не прозевал.

– Каких ещё “копов”? – не понял я.

– Обычных, каких. Серых, на бело-голубых машинах... Ты песенку знаешь про голубого волшебника на бело-голубом вертолёте, который бесплатно покажет кино?

– Не-а, – честно признался я.

– Так вот, знай, бродяга, что это были ни фига не волшебники и палочки у них так же вполне неволшебные...

И тут я понял! Да это же один из тех “фашистов”, про которых нам все уши прожужжали в школе и по телеящику. Именно они организывают все эти беспорядки и акции неповиновения, из-за которых у нас объявляют внеочередные школьные каникулы на месяц-другой. Странно только, что он такой маленький, тщедушный и даже по разговору это видно, что парень пуха на себя накидывает и храбрится, а самому неловко и боязно одному. По телику этих “фашистов” и “экстремистов” представляют в другом свете... “Нелегальная молодость” – вот как они называются!

Мальчишка затравленно смотрел то в одну сторону дороги, то в другую и неуверенно переминался с ноги на ногу.

– Слухай, Сафроновец, а как тебя зовут?

– Славка, – легко признался я.

– А меня Лёха, – обрадовано произнёс мой новый знакомый и пожал мою руку в районе предплечья. – Слухай, Славка, может пойдём вместе. Ты не думай, я серых не боюсь, просто вдвоём-то проще будет. Хочешь у нас, у “Медведей”, переночуешь. Бригада у нас лучшая здесь, сам знаешь. Цитадель больша-а-я и жратвы много. Ну как, о’кей?

Вот я дурень, сейчас же уже давно комендантский час и мальчишкам типа нас на улице не место! Вот Лёшка и переживает наверное. Поэтому я, долго не думая, согласился:

– Добро, а далеко идти?

– Да ты чё, тут близко! Как будто сам не знаешь. Полчаса пёхом.

Мы спустились с дороги в лесную зону, обогнули старинную каменную церковь и пошли вдоль реки, сначала Язуы, а потом Чермянки, в сторону Отрадного. Периодически ночь разрывала милицейская сирена, вой которой тоской и страхом резал душу, а однажды издали донеслось эхо выстрелов, которое закончилось глухим и мощным хлопком. Мой знакомый, кажется, не замечал этой канонады и звуков сирен, спокойно продолжая разговор:

– За рекой и оврагом уже красные территории, я там редко бывал. И чего это “зоги” так за центр держатся? Ну, то понятно, там ВВЦ, туристы, гостиницы, а зачем им Бибирево – непонятно. Может там склады оружейные? Ты как думаешь?

– Не знаю, – честно признался я. – У меня было ружьё дома, так что я не очень интересовался, где приобрести оружие.

Это было в чистом виде бахвальство с моей стороны, мне просто захотелось показать Лёшке, что и я не лыком шит, но на моего собеседника это произвело больший эффект, чем какая-то перестрелка в другом районе. Он остановился как вкопанный, глаза его расширились до пределов японского аниме и он, чуть ли не с благоговением, произнёс:

– Так ты хантер, охотник.

– Ну да, ходил пару раз на охоту, – с ещё большим бахвальством ответил я. На самом деле я соврал – охотничье ружьё было отчима и, разумеется, он ни разу меня не брал на охоту. Правда один раз я взял ружьё без

спроса и сделал аж три выстрела: два в жестяные банки, а один в утку (впрочем, умудрился не попасть), за что также получил от вечно пьяного отчима люлей.

– А я всего лишь сталкер, – опомнился Лёха и поплёлся дальше, – у меня был старший напарник-хантер, но сейчас я один... – каким-то другим голосом добавил он.

Воцарилась напряжённая тишина, и мы прошли оставшийся путь молча. Мальчишке явно не хотелось сейчас говорить, а у меня и так голова была забита своими проблемами, чтобы интересоваться ещё и чужими.

Мы шли по правому берегу речки, но когда автодорога, еле угадывающаяся за рекой и деревьями левобережья, резко повернула влево, в сторону от Чермянки. Лёха дёрнул какой-то канат и на речку, которая и так была всего лишь ручейком, опустился лёгкий мостик из связанных меж собою деревяшек. Перейдя через речку и выйдя из-за деревьев и кустов к дороге, я увидел яркие огни костров и прожекторов на нашей стороне дороги.

– Добро пожаловать в Русское Гетто! – торжественным голосом произнёс мой сопровождающий, тут же забыв свои тяжёлые мысли.

Автострада, уходящая в сторону от реки и парковой зоны, делила эту местность на две половинки. Слева шли высокие, серые, угрюмые жилые дома, а справа от дороги происходило нечто невообразимое – промышленная зона освещалась рядами костров из помоек и железных баков и несколькими прожекторами с крыш бывших складов и цехов, откуда была слышна громкая музыка и гул голосов. Правая сторона, заброшенная бывшая промзона, производила больше впечатления жизни и деятельности, чем левая жилая зона. Это было странно, но и показательно, чуть ли не мистически провиденциально.

– Это наша Цитадель, наш город! – с гордостью провозгласил Лёшка.

Уже выходя из леса, мы видели две фигуры с фонарём, идущие в том же направлении, что и мы – к Цитадели. Метров через 20-30 нас окрикнули и мы остановились. Приближающиеся фигуры вышли из тени под тусклый уличный фонарь, и их оказалось не две, а три – посредине двух парней в стальном ошейнике шёл здоровенный питбуль. Да и парни выглядели внушительно: один широкий как три Лёшки-сталкера (я бы сказал даже – толстый, но боязно как-то таких тяжеловесов, так что пусть будет – широкий), другой – коренастый со спортивной фигурой. Оба в бело-чёрных камуфляжных штанах и татуировках, выглядывающих из-под коротких рукавов маек. На вид парням было около восемнадцати лет, хотя может быть и меньше, но, как говорится – у страха глаза велики. Питбуль был у того, кто толстый (ой, простите – широкий) на коротком поводке с тяжёлой цепью. И это единственное, что радовало, поскольку перекачивающиеся под кожей собаки мышцы, лёгкий непринуждённый оскал акулы-убийцы на её морде и пояс с утяжелителями, не выдавали поборника либеральных ценностей.

– Спокойно, Киллер, – это собаке, – Здорово, нелегалы, – это уже нам. – Куда путь держите? А, это же Лёшка! А кто это с тобой?

Вопрошал как раз толсто-широкий. Лёха ответил, что я Сафроновец, попросился переночевать (и вовсе ничего я не просился, вы свидетели). Второй парень, недовольно глядя на моего спутника, вдруг заявил:

– Потерял своего напарника, теперь привёл чужака, – и, не останавливаясь, пошёл дальше, по пути толкнув Лёшку плечом. Широкий собаковод пожал плечами, мол, “извиняй, скажи спасибо, что не ударил”, и пошёл дальше в сторону костров промзоны. Питбуль приблизился вплотную к нашим ногам и хищно улыбнулся, мол, “скажи спасибо, что не обоссал”, и потрусил за хозяином.

– Здорово, Киллер, – пробормотал поникший сталкер Лёха, и, глядя на удаляющуюся троицу, поплёлся следом.

– Чё это они? – неловко поинтересовался я.

Лёшка резко остановился, схватил меня за руки и, глядя в глаза, жадно зашептал:

– Славка, я не потерял своего старшего, честно-честно! Он сам... – Лёха вдруг оборвал себя на полуслове, потоптался, опустив голову, и добавил:

– Ладно, чего уж там. Пошли.

И мы пошли. Ещё пару раз мы пересекались с мальчишками примерно нашего возраста, а подойдя к рядам костров, я разглядел, что далее идут гаражи, кое-где открытые и сделанные наподобие маленьких квартир с кроватями и кухонными плитками, кое-где плотно закрытые, кое-где на гаражах сидели молодые парни (или мальчишки?). С первого же гаража, с крыши, нас окрикнули:

– Здорово, бродяги!

На крыше гаража стоял в полный рост парень лет пятнадцати с бритой под ноль головой, помповым ружьём наперевес, в футболке с кричащей надписью: “Мой Дедушка – Адольф Гитлер”. Картину дополнял чёрный флаг с черепом (почему-то улыбающимся) и костями, укрепленный на правом-верхнем углу гаража.

– Привет, Бычок! – нехотя поздоровался Лёха и так же понуро поплёлся вглубь гаражей.

Пройдя десяток импровизированных домиков, Лёха залихватски открыл замок на одном из гаражей и мы зашли в его жилище. В принципе, тут было всё для жизни: кушетка и старый диван, холодильник и даже телевизор. На стенах красовались какие-то кресты, свастика и вездесущий “весёлый Роджер” (так, как я узнал впоследствии, называли улыбающийся череп с костями).

– Будешь бутерброды? Могу ещё молока достать. Располагайся, будь как дома, – засуетился паренёк. Уж очень он суетился чего-то...

Мы поели, выпили газировки, и тут Лёшка, заикаясь и отводя взгляд, неуверенно начал:

– Слушай... эта... Славка, тебе, конечно, решать, но... я бы эта, был бы рад, чтобы ты остался у нас... Конечно, если хочешь. На время... И, эта, я буду рад такому напарнику как ты.

Последнюю фразу он выдал на одном дыхании, собравшись с духом, и тут же уставился на меня, ожидая ответа.

– Лёшка, – осторожно, подбирая слова, сказал я, – мне бы поспать, устал я. А потом подумаю, видно будет, что мне делать и где жить. Во всяком случае, спасибо за предложение.

– Да-да, конечно, – вновь засуетился сталкер, – ложись на диване, а я и на раскладушке перекантуюсь.

Проснулся я оттого, что кто-то меня не сильно, но настойчиво, тряс за плечо... Разумеется, это был Лёха:

– Славка, Славка, вставай. Приходили старшие ребята. Я сказал, что ты спишь, и что ты Сафроновец, и что... хантер. Они попросили тебя прийти в Хантер-клуб, хотят с тобой познакомиться и поговорить. Уже прошло два часа, как они ушли и четыре, как ты спишь... Тебе надо идти.

– Хорошо, – согласился я, – пошли, я готов.

– Только меня могут не пустить в Хантер-клуб, я ведь только сталкер.

– Ладно, разберёмся. Пойдём, Лёшка.

Клуб оказался трёхэтажным зданием, на входе коего стояли всё те же знакомые парни.

– Здорово, Толстый...

“Ба, да широкий парень действительно прозван здесь Толстым!” – подумал я про себя.

– ... Здорово, Обер, – пробормотал Лёха, пытаюсь пролезть сквозь широкие плечи в клубную дверь. Киллер зарычал (видимо ему не понравилось, что с ним не поздоровались), а Обер (тот, что не Толстый) прорычал в голос:

– Во-первых, не Обер, а Оберштурмфюрер для тебя, – и оттолкнул Лёху ладонью в грудь, – а во-вторых, ты не хантер, маленький ещё для этого клуба. У тебя есть свой клуб – для сталкеров.

– Да ладно вам, ребят, я же со Славкой, – слабо возражал Лёха, но Обер был неприступен: – Славка-фигавка, всё, кончай базар, иди отсюда.

Лёшка шепнул мне: “я тебя здесь подожду”, и отошёл от дверей клуба.

– А ты, – указал на меня Толстый, – проходи.

Только я сделал шаг вперёд, Обер остановил меня тычком в грудь открытой ладонью (только что он так же, только сильнее, остановил Лёху) и подозрительно заявил:

– Что-то ты молодой слишком для хантера.

И тут внутри меня вдруг чего-то щёлкнуло, наверно предохранитель на соображалке. Я реально разозлился:

– Убери лапу, debil-переросток.

– Чё-ё!! – взревел Обер.

Краем глаза я заметил, что Толстый одобрительно хмыкнул и покачал головой. Мне даже показалось, что и питбуль Киллер так же, подняв морду сначала на меня, а потом на Обера, одобрительно кивнул, мол, “шаристый мальчишечка, заднюю не включил, будешь мне раз в неделю подгонять котлету – ваще сработаемся” (хотя мне это могло лишь показаться).

А вот самому Оберу моя смелость явно не понравилась и он, продолжая реветь и грязно ругаться, попытался толкнуть меня со всей дури обеими руками, и... получил кулаком в челюсть (я всё-таки не зря ходил на бокс и самбо около двух лет).

Недоумение, смешанное с одобрением, ещё больше отразилось на лицах, ну и, соответственно, мордах (главное не перепутайте: у Толстого – лицо, у Киллера – морда, о’кей?), когда обмякший Оберштурмфюрер свалился у дверей клуба хантеров.

– Проходи, хантер Славка, – улыбнулся Толстый. – Обер сегодня чего-то перетрудился. Перегрелся на солнце, наверное, вот и тупит.

– Наверное... – согласился я и шагнул в двери Хантер-клуба, любезно открытые передо мной Толстым.

Как и предполагалось, в клубе царил полумрак и тяжёлая музыка, причём последней было гораздо больше.

Оружеборцы Норда,
Насмерть стоять – их цель;
Рвутся цветные орды,
В Белую Цитадель...

Это ревел под гитарный драйв со сцены здоровенный лысый парень. Чтобы привыкнуть к темноте я решил малость постоять у входа.

Не отсидеться дома –
Раса на расу встаёт;
Рёв обезьян Содома,
Колеблет небесный свод.
Быть Куликову Полю,
Расовой быть Войне;
Стали Арийской воли,
Принять свой закал в огне...

...Продолжал декламировать здоровяк. Я начал продвигаться к барной стойке, но тут мне помахали из-за соседнего стола и я направился к нему, одновременно вслушиваясь в тяжёлый речитатив:

Войны законы суровы,
Белый берсерк готов:
искоренять грязно-кровных,
славить чистую Кровь...

“Ни фига себе стишки”, – подумал я, присаживаясь на свободный стул.

– Группа “Черномор” из юго-восточной Цитадели, у нас, считай, на гастролях... Впрочем, как и ты, Славка-хантер... Правда, у них своеобразные тексты? – без лишних предисловий обратился ко мне парень лет двадцати с самым серьёзным взглядом из троицы ребят, сидящих за столом.

Глаза уже привыкли к темноте, и я огляделся. За столами и около сцены находилось более полусотни парней, примерно от 15-ти до 20-ти лет (хотя несколько человек, тот же солист “Черномора”, были явно старше этого возраста).

– Если честно, не люблю тяжёлую музыку, – заявил я, сам поражаясь своей наглости.

– О-о! – заулыбались двое моих соседей, а тот, что задал вопрос, неожиданно согласился: – Да, ты прав. Мне тоже не нравится такая музыка, но тексты у них хорошие. Вот послушай, хорошая песня. Я прислушался. Музыка была лиричная, типа медляк:

Под тучей чёрной саранчи,
Под гнётом ветхого режима
Мы поднялись, мы не молчим,
И в наших душах предки живы.
Бритоголовый парень, верь,
Придёт восстанья час, я знаю,
Прорубим мы на волю дверь,
Москве недолго быть Сараем.
Добудем Родину в борьбе,
Обречены мы на Победу,
Последние часы в тюрьме
Томятся гордые веныды.
Соорудив надёжный плот,
Мы поплывём по воле ветра
Туда, где вечный Камелот
Хранит легенды древних кельтов...

– Слушай, Славка, – внимательно глядя на меня, начал “серьёзный” парень, – а ты точно хантер?

Тут на моё счастье у “серьёзного” позвонила мобила, он пробормотал “извини” и поднёс её к уху, дав мне возможность насладиться следующим шедевром “Черномора”:

Господство без рабства не встретить;
Им друг без друга – край...
Свобода здесь – “лишний третий”:
Christus macht Frei!
Кто мудр в веке сем – бедняги,
Порядку лепечут “Хайль”.
Гармонию ищут в Тюряге:
Christus macht Frei!
Верховный Администратор,
Блюдуший казённый рай,
“Бог” для вас – а для нас Узурпатор:
Christus macht Frei!
С кличем: “Кровь и Свобода!”
Перебить охрану Тюрьмы.
Потопа огненные воды...
После потопа лишь мы!
Ветхий ZOG издыхает,
Вселенский убит Вертухай.
Свет Цитадели сияет:
Christus macht Frei!

Фразу по-немецки, “Черномор” и некоторые нагруженные алкоголем хантеры, выкрикивали, вскидывая правую руку вверх, а остальной текст был достаточно мелодичным и уже не так резал уши.

“Серьёзный” уже поговорил по телефону и сейчас ждал окончания песни. Музыка была громкой, и нам приходилось повышать голос или прислушиваться (видимо ни того, ни другого “серьёзный” не любил делать). Когда же музыка закончилась, он сказал, обращаясь к двум своим приятелям:

– Он хантер, – те заметно расслабились, но смотрели на меня с ещё бóльшим интересом, а потом он обратился ко мне: – Но это не моё мнение, а Толстого... Меня зовут Зверобой, я лидер “Медведей” или иначе – мэр Русского Гетто. Это мои близкие – Хоббит и Рой.

Мы пожали друг другу руки в районе предплечий (тут, наверное, был такой обычай), а Зверобой продолжал:

– Послушай, Славка, сталкер Лёха, который тебя привёл к нам – трус. Позавчера он потерял своего напарника – хантера Сержа. Лёха сказал нам, что хочет, чтобы ты стал его старшим напарником...

– Я ещё не дал своего согласия на это.

– Он нам об этом тоже сказал... Послушай, ты можешь остаться в Русском Гетто. Мы подберём тебе хорошего младшего и признаем тебя хантером, но выбери другого напарника – не Лёху-сталкера. Он просто хочет уйти от ответственности: если он потерял напарника, мы будем судить его по Законам Расовой Совести. Но если он в паре с хантером, то старший как бы поручается, даёт Слово за него, и обвинения автоматически снимаются. Он просто хочет соскочить за счёт тебя с этого косяка.

– Я подумаю над этим, Зверобой.

– Подумай, – легко согласился мэр нелегалов.

Музыка вновь изменилась, и я заметил, что многие хантеры встают и слушают её стоя.

– Гимн, – тихо произнёс Хоббит, но его услышали, и мы, все вчетвером, поднялись. Я видел, как некоторые поднимали над собой правую руку, сжимая в ней ножи – видимо как символ, а некоторые даже пели, хотя песня была мне незнакома. И каково же было моё изумление, когда весь зал запел припев, кажется на итальянском, причём пел даже “серьёзный” Зверобой.

“Giovinezza, giovinezza,
primavera di bellezza,
nel Fascismo è la salvezza
della nostra libertà.”

– Что это, итальянский? – спросил я, очарованный молодецкой силой полусотни голосов, но к счастью моя неосведомлённость никого не смутила и Зверобой тут же охотно пояснил:

– Да, итальянский. Перевод такой: *“Молодость, молодость, весна красоты, в фашизме спасение нашей Свободы”*.

Зал вновь взорвался припевом: – Джовинецца, джовинецца...

“Вот придурки”, – беззлобно подумал я, – “даже не скрывают, что фашисты. Значит, правду по телеку болтали про них”.

Я ещё минут пятнадцать для приличия посидел за столом, общаясь со Зверобоем, а потом, попрощавшись с ребятами, пошёл к выходу. В спину мне летели слова очередной песни:

Мы рождены для грозных потрясений
Мы – жгучий хлыст в руках Верховных Сил,
И словно саблей сотни поколений
Нами Сам Бог врагов Своих косил.
Мы – гвоздь, забитый в тело Люцифера.
Мы – буря посреди застывших вод.
Нас кличет в бой великих Предков Вера,
Зовёт на подвиги и свой родной народ.
Мы – рыцари перед кончиной мира,
Мы – славное наследие времен.
Наш арсенал – кровавая секира.
Вперёд, последний Русский батальон!

На улице меня уже ждал Лёшка, который тут же затараторил:

– Ну как, всё нормально прошло? Ты Обера круто приложил! Его тут все не любят – гонору слишком много для своих семнадцати. А вот Толстый мировой мужик, ко мне потом подходил, о жизни интересовался... Ты ваще, Славка, молодец!

Он продолжал ещё что-то лепетать про то, как космические корабли с “Медведями” бороздят просторы Вселенной, но я не слушал. Меня волновала теперь одна мысль – как бы избавиться от этого неудачника и уйти.

Мы подошли к его гаражу, но я не приблизился ко входу в жилище, так и оставшись стоять посередине тропы, глядя на выход из Цитадели и стоя боком к Лёшке и его дому. Он всё сразу понял. И принял это как должное, смирившись с неизбежным... Кто я в его понимании – “свободный охотник”, хантер, захотевший переночевать в более удобной Цитадели. А он – “трус и предатель”...

* * *

– Слава, – голос Лёхи стал искренним и совершенно спокойным, – ты зайди на дорожку, хоть поешь, пойдёшь не голодным, я тебе бутерброды сделаю.

Я посмотрел на него и вдруг увидел его глаза – в них было одиночество и мольба о помощи. Ему необходима моя помощь, а я эгоистично думаю лишь о себе и собираюсь уйти, бросив его в беде. Мне даже стало стыдно за себя, и я ответил, сам ужасаясь от того, что говорю:

– Лёша, мне некуда идти, надеюсь, ты не будешь возражать, если я пару неделек побуду у тебя. И ещё, напарник, не люблю я это молоко – у тебя нигде не осталось газировки?

“Что я говорю? Спасите, люди добрые! Всё пропа-а-ало!”.

Засыпая на чужом диване, в чужом гараже и в чужом городе, где царили свои непонятные и чужие законы, я попытался проанализировать всё то, что услышал и увидел за сегодняшний день.

Итак, телевидение и правительство явно замалчивало о масштабах “Незаконной молодости”... Сутки назад я и представить себе не мог, что их так много и что они так хорошо организованны! Цитадель “Русское Гетто” была одна из самых больших в Москве (примерно таких же было не менее пяти, более мелких же в 10 раз больше). Это была фактически бандитская структура с явной националистической, антиправительственной подоплёкой, и меня угораздило попасть именно сюда! Русское Гетто обезпечивалось едой и электричеством на халяву, в обход правительства (хотя может и нет – на территории городка было две автозаправочные станции, которые всё ещё принадлежали своим компаниям, но охраняли их хантеры). Здесь проживало немногим меньше тысячи человек (включая сюда взрослых и гостей). Большинство из них несовершеннолетние, подавляющее большинство – люди от 11 до 20 лет.

Взрослые здесь не были вооружены, находясь для правительства на легальном положении. Огнестрельное оружие имели лишь хантеры – старшие ребята (от 15 лет), занимающиеся ликвидацией (да, именно так –

ликвидацией!) врагов городка, включая чиновников и полицейских. Правда были и исключения – некоторые взрослые, оставшиеся на нелегальном положении (видимо, будучи в розыске!) также были при оружии.

Сталкеры – мальчишки от 12 лет и выше, занимавшиеся воровством и разведкой, все имели ножи и обезпечивались (как и хантеры) едой и жильём, некоторые из них неофициально имели личное огнестрельное оружие.

Вот такие вот пирожки... с котятами, их ешь, а они мяукают...

“Надо попросить у кого-нибудь телефон, позвонить сестре, чтобы та успокоила маму”, – было последней моей мыслью перед тем, как провалиться в глубокий мальчишеский сон.

* * *

Прошло, наверное, недели две...

Мы со Зверобоем стояли на крыше длинного двухэтажного дома, стоявшего в Русском Гетто параллельно дороге (ул. Римского-Корсакова) и напротив “китайской стены” – неимоверно длинного жилого дома, почти в километр длиной. Эта самая “китайская стена”, как я уже знал, была напичкана опорными пунктами полиции и даже ОМОНа, превращающими “стену” в оборонительный форпост от уличных хулиганов и фашистов – т.е. нас.

Вчера я всё-таки дозвонился домой – к телефону подошла мать, и я повесил трубку, не сказав ни слова. Чуть позже дозвонился и до Светки. Нельзя сказать, что дома всё было хорошо: за отсутствием меня, отчим избил Светку (сволочь!), а под горячую руку попала и мама, которая то плачет в синяках, что ненавидит его, то плачет, что любит. Ох, уж эти взрослые, фиг их разберёшь...

Также вчера мы с Лёхой были на положенном рейде, но ничего, кроме устаревшей информации, в Цитадель не принесли, о чём нынче и говорил, вызвавший меня, Зверобой:

– Понимаешь, Славка, вы с Лёхой неполноценная боевая пара. И посему, последний раз предлагаю тебе поменять партнёра.

Неподалёку от нас кучковались несколько разновозрастных парней: один незнакомый мне взрослый хантер сидел под навесом у единственного в Гетто старенького пулемёта РПК-74, а ещё трое мальчишек сидели за столом, на котором ютился стационарный телефон – на крыше был постоянный боевой пост. Хотя зачем он здесь, мне было совершенно непонятно – от дороги, вдоль которой высилась “китайская стена”, нас отделял бетонный забор с проржавевшей колючей проволокой.

– ... Как я понимаю, ты потерял своё хантерское оружие перед тем, как попасть к нам, – продолжал он, – и мы не можем тебе пока что помочь, ты слишком молод и новичок для нас. Но если будешь в паре с кем-нибудь, имеющим оружие – это решение вопроса. Ты можешь быть в паре даже с хантером и даже со мной.

Он посмотрел на меня, но я уже давно принял решение:

– Мой напарник – Лёха. Хотя, конечно, спасибо за предложение.

– Не спеши отказываться, хантер, – Зверобой впервые так назвал меня, и это убедило меня в мысли, что я выигрываю словесную дуэль, – настоящий старший в паре имеет право для себя и своего напарника на патроны к оружию, хорошую еду, деньги на карманные расходы и отдельное жилище с добротными условиями. Не ту конуру, где тебе приходится ютиться с Лёхой-сталкером. Ты, может, не знаешь, но до того, как пропал Серж – бывший старший Лёхи, они жили в отдельном каменном доме – в прошлом трансформаторная будка. Но у тебя нет оружия, и ты получаешься, по нашим законам, каким-то неполноценным старшим.

– То есть, – оборвал я своего собеседника, – если я правильно тебя понял, Зверобой, если я найду огнестрельное оружие, я буду иметь бóльший вес и лучшие условия жизни в Цитадели?

Зверобой присел на импровизированный стул из перевернутого бутылочного ящика и внимательно посмотрел на меня.

* * *

– Ну чё, сука, моли о пощаде, однойцевый! – крикнул я прямо в ухо, предварительно, со всего размаха, ударив битой в пах.

Отчим лежал на боку и пускал струйки крови из разбитого рта, и мочи из-под семейных трусов на старый ковёр в прихожей. Он явно был не рад встрече со мной...

– Славка, я нашёл ружьё, может пора уходить? – выбежал из комнаты Лёха. Вид у него был воинственный – в одной руке короткая бейсбольная бита, в другой охотничье ружьё отчима.

– Нет. Ищи патроны – они в шкафу с одеждой...

Хорошо, что у меня остался ключ от квартиры. Мы ворвались домой тогда, когда никого не было, кроме отчима (я специально так подобрал время). Сбив, вместе с Лёхой, его с ног, мы переломали битами ему ноги – времени связывать этого здорового бугая просто не было...

– Славик, Славик, прости меня, – запричитал “отец семейства”, – я тебе денег дам, машину возьми... только не убивай...

– На хер пошёл... – удар, – ...со своей... – удар, – ... машиной! – удар.

На глаза навернулись слёзы, руки у меня дрожали, а голос повысился до предела:

– А чё ты меня раньше о пощаде не просил, чмо?! – удар битой по хребту...

– Прости, – завизжал он.

– А чё не просил Свету?! – удар в плечо.

– Прости-и-и!

– А чё маму?! – удар в голову, хруст черепной коробки и кровь на бите.

В прихожую вбежал Лёшка и уставился на дело моих рук, потом перевёл ошарашенный взгляд на меня, потом вновь на кровавое месиво и вновь на меня.

– Ты чё его, того? – тихо спросил он.

– Ага... “того”, – голос у меня был, как будто я пробежал стометровку. – Ладно... уходим... Надо возвращаться в Цитадель.

* * *

Мы сидели в гараже, и пили светлое пиво. Вообще-то, в Сталкер-клубе был под запретом алкоголь и, соответственно, молодым пить было запрещено, но на практике в этом отношении в городке царила полная анархия.

– Я давно уже знаю, – говорил Лёшка, глядя в одну точку на стене, – чтобы стать хантером, вы убиваете врага, но я впервые лично участвовал в ликвидации.

– Слушай, Лёх, а ты меня, если нас поймают, не выдашь? – спросил я неожиданно, уставшим голосом.

Несколько секунд он смотрел на меня, как будто не понимал вопроса, а потом подбежал и, схватив меня за руку, глядя в глаза и чуть не плача, затараторил:

– Я тебя никогда не предаю, старший! Слышишь, никогда. Поверь.

Мы так стояли, глядя друг другу в глаза, около полминуты, прежде чем я смог выдавить из себя слова, возможно главные в моей жизни:

– Спасибо, брат! У меня никогда не было настоящего друга...

– ...Теперь он у тебя есть, – закончил мою мысль мой товарищ.

– Тук-тук-тук, – раздался снаружи голос Зверобоя. – Войти можно?

– Заходи, – крикнул я.

В наш гараж легко скользнул лидер “Медведей”, а вслед за ним, пригибаясь перед маленьким дверным проёмом, пропихнулся уже знакомый парень (у которого, по его мнению, «дедушка – Гитлер»). Бычок, вот как, по моему, его зовут.

– О-о, – улыбнулся Зверобой, – пиво пьёте.

– Имеем право, – так же шутливо в тон ему ответил я.

– Да знаю-знаю, – махнул рукой мальчишеский мэр, – ружьё достали, патронов куча и тэ-дэ и тэ-пэ...

– Хм, – прочавкал что-то жующий Бычок. Он активно работал челюстями и, казалось, был больше озабочен этим процессом, чем нашим разговором. А мэр продолжал: – ...Возможно я вас недооценил. Посему в знак “примирения” предлагаю искупаться.

Видя наши с Лёхой недоумённые взгляды, он пояснил, вдруг перейдя на обычную речь без лёгкого налёта командирской надменности и всезнайства, словно вспомнив, что он по сути всё ещё мальчишка-пацан: – Делать всё равно сейчас нечего, а жара страшная. Искупаться охота... Вот мы и хотим на пруды в Лианозово смотать... Ну чё, вы с нами?

На такой вопрос есть лишь один ответ, особенно если тебе 13 лет, и ты только что выдул бутылку-другую пивка:

– Ещё бы! – почти хором ответили мы с Лёхой.

Поездка была весёлой и безшабашной. Меня слегка удивило то, что поехали не на машинах (я тут их парочку видел у ребят) и без оружия. Днём, как я понял, нелегалы не шли на прямую конфронтацию с полицией, переходя типа на легальное положение. Да и ехало нас не много – человек десять: Зверобой, Бычок, я с Лёхой,

совсем маленький мальчишка лет одиннадцати по погонялу Волчонок, Толстый (почему-то без собаки) и ещё четверо малознакомых мне парней от 16 до 19 лет.

По дороге в Лианозово, которую мы, к слову сказать, провели на общественном транспорте, как законопослушные граждане (правда, не заплатив за проезд ни копейки), Толстый всё переживал за Киллера, которого “бабы не додумаются покормить” и что зря он оставил его одного – “с друзьями так не поступают”; Бычок многозначительно чавкал жевательной резинкой, изредка вставляя свои комментарии в дискуссии между парнями, Волчонок смеялся и шутил, оказавшись совершенно раскованным и умным мальчуганом, а я показывал Лёхе и ещё одному парню лет 16-ти по погонялу Шансон по их просьбе приёмчики из самбо, припоминаемые мной из курса секции.

И наконец, мы в воде. Вся напряжённость и переживания последних дней сразу улетучились, их словно бы смыло водой и выжгло палящее, но доброе солнце. По-моему, все мы реально радовались этой возможности на миг забыть об ответственности, войне и побыть какое-то время просто детьми. Кто-то играл в воде в мяч, кто-то плавал наперегонки, Толстый кидал парней помельче с плеч и рук, а один мальчишка, которого все звали Язычником, даже умудрился помыть свои длинные волосы шампунем, предусмотрительно захваченным в городке. (Кстати, Язычник был самым волосатым из всех, кого я видел в Цитадели, включая девчонок и женщин). Один Зверобой оставался серьёзным и собранным, как будто и не было солнца, воды, смеха и мяча, а он стоял на крыше старого одноэтажного здания, глядя на серую громаду “китайской стены”.

Поэтому он первый увидел опасность.

– Звери на соседнем берегу, – спокойно сообщил он, отбивая рукой мяч. Большинство из нас, кто его услышал, заинтересованно повернули головы в том направлении. Напротив нас, еле различимо, угадывалось около двадцати фигур кавказцев и пара машин в кустах, но нас с ними разделяла водная гладь пруда (хоть и крайне мелкого и узкого в этом месте).

– Чё будем делать, – так же небрежно и показательно спокойно спросил Толстый.

– Ничего. Продолжаем отдыхать, только всем быть начеку.

Мы и дальше загорали и купались, но всё уже было не так беззаботно и легкомысленно: мы старались держаться поближе друг к другу, кто-то даже оделся, а кавказцы на той стороне озера, явно заметив нас, выказывали интерес к нашим персонам. Показывали в нашу сторону руками, что-то обсуждая и даже послали разведчика в нашу сторону: тощий кавказец лет двадцати (похоже, наркоман) вынырнул из леса сбоку от нас, цепко оглядел ребят и, стрельнув сигарету у Толстого, ретировался в обратном направлении. Уверен, что от его глаз не ускользнули свастики, наколотые на груди у Толстого и Зверобоя, а также “Skinhead” и “Hanter” у двух других парней во всю спину. Чуть позже мы увидели его длинную тщедушную фигуру на другой стороне пруда со своими собратьями. Кавказцы явно оживились с его приходом и начали что-то бурно обсуждать, активно жестикулируя.

– Ладно, – вдруг жёстко сказал Зверобой, как будто приняв какое-то решение. – Нападём первыми, нельзя ждать, пока звери “обдуплят” situation.

Я в шоке посмотрел на лидера “Медведей”. Ладно, если бы мы были только младше чурок на той стороне, и у нас не было оружия (ну кроме ножей, – в Цитадели людей, ходящих без ножа, называли “баранами” или “лохами”), так нас ещё и меньше в два раза, зачем же тогда провоцировать кавказцев, может ещё они и не нападут. Правда уже через секунду я понял, что Зверобой возможно и прав. Один из кавказцев вышел вперёд, зайдя по колени в воду, и в наступившей тишине его крик был нам слышан очень хорошо:

– Эй, рюсский!.. Я тваю мат еб...л, я тваих сестёр еб...л, иди сюда, я и тебя в рот вые...у!

И сразу после этих слов он достал из-за спины пистолет и принялся стрелять по нам. Самые младшие ребята попадали на землю, зато хантеры словно и не заметили стрельбы, ведущейся по ним. Через миг я понял, что пистолет видно не боевой – только несколько маленьких пулек долетели до берега, стукнув по камешкам и песку.

– Усиленная пневматика, – с презрением и надменностью констатировал Толстый.

Кавказцы разразились диким хохотом, празднуя свою маленькую победу.

– Язычник, Волчонок ко мне, – скомандовал Зверобой. – Вы оба, единственные из нас не похожи на нелегалов, так что слушайте... Зверобой о чём-то зашептался с ними.

Они действительно мало походили на остальных ребят, а Волчонок, кроме того, что имел причёску (большая редкость в Цитадели – ему её делали девушки, поскольку в городке все относились к нему как к сыну или младшему братишке) был ещё на вид слишком мал для хулиганства и насилия...

Объяснив “политику партии” Волчонку и Язычнику, которые уже скрылись в кустах, он обратился к оставшимся:

– Парни, кто хорошо плавает?

Вызвалось четверо: Шансон, двое хантеров постарше и я. Когда-то я ходил в бассейн, и потому действительно недурно плаваю, так что могу дать фору любому взрослому парню; заявляю со всей скромностью...

– Поплывут Малыш, Славка и я, – решил Зверобой, подумав.

Малышом называли крепкого парня лет девятнадцати, габаритами уступавшего лишь Толстому, но если у Толстого основная масса была в сале, то у Малыша в чистых мышцах. До знакомства с ним я таких мускулистых парней видал лишь по телеку.

– Я тогда тоже поплыву, – уверенно сказал Лёха, и не дожидаясь ответа быстро добавил убеждённым голосом, – я не брошу моего старшего, мы работаем в вместе.

– Да пойми ты, – зашипел Зверобой, – мне нужны люди на земле, а Славка поплывёт не для качества, а для количества, ребята постарше все нужны на земле.

– У нас в Цитадели, – тихо, но уверенно, начал Лёха, – поощряется дружба и работа в паре. Я не могу оставить напарника.

Четверть минуты лидер “Медведей” молчал, внимательно глядя на Лёху, который и не думал отводить взгляд. Я молчал так же. Наконец Зверобой выдохнул и согласился:

– Ладно, твоя взяла, плыви, – и, уже обращаясь ко всем: – План такой, парни...

Я, Зверобой, Лёха и Малыш стояли по щиколотку в воде и имитировали активный отдых – играли в мяч, громко разговаривали и нехотя плавали недалеко от берега. Чурки с неподдельным интересом следили за этой картиной. Половина наших куда-то подевалась (то ли за пивом пошли, то ли за подмогой), а оставшаяся четвёрка и не думает бояться и в панике убежать домой.

У каждого из нас под плавками был спрятан ремень с ножом в чехле. А наши вещи забрали ребята перед тем, как уйти. Так что я со спокойной совестью поплыл на другой берег, когда Зверобой получил от наших парней одному ему известный знак и мы вчетвером начали свой путь. Сначала мы плыли спокойно и, соблюдая дистанцию (первым был Лёха, последним Малыш), кавказцы на это глядели во все глаза, самые нетерпеливые даже подошли к воде. Но мы, доплыв до середины, так же спокойно поплыли обратно, развернувшись к ним спиной. И вот тут всё и началось: во-первых у них загорелась машина. Переключив всё внимание на её тушение, они совсем забыли про нас. И мы рванули со всех сил к их берегу.

Я, Малыш и Зверобой почти сразу же догнали и перегнали Лёшку. Он и так уже почти обезсилел от постоянных заплывов туда-сюда, что сейчас он выглядел вообще не лучшим образом: весь потный, жадно глотает воздух и сосредоточенно смотрит на берег, словно доплыть дотуда – цель его жизни. Мы уже вылезали на сушу, когда ему ещё оставалось покрыть около 15 метров. Тут-то нас и заметили.

– А-а! Билять! – заверещал один из зверей, – это ихний друзья машина жечь! Лови билядей!

Я оглянулся. Лёшка ожесточённо бил руками по воде и вот-вот должен был ступить на землю. Ну что ж, Зверобой говорил, что ножи доставать лишь в смертельной опасности, или для острастки зверей, посему я и достал нож: во-первых, Лёха ещё не вышел и мне надо его защищать, а во-вторых, мне и самому было жутко страшно!.. А вот Зверобоя с Малышом походу страшно не было. Не доставая ножей и не дожидаясь пока звери “отдуплятся”, они накинулись на первых кавказцев.

Я увидел как лидер “Медведей” молниеносным ударом ноги в голову уложил первого чурку на землю, возможно, ему что-то сломал (пасть неудачника тут же покрылась кровавой пеной). В этот же момент Малыш с рёвом обрушил кулаки сразу на двоих зверей, один из коих тут же упал. Сразу человек пять бросились на Зверобоя и столько же на Малыша, даже к моей скромной персоне пробрался один из зверей. Но тут произошло два события: из-за моей спины вышел еле идущий, хрипящий от усталости, но со злым взглядом Лёха, и встал рядом со мной; а из леса с рёвом: “молодо-о-о-сть!” вылетели наши парни (Язычник, Толстый, Шансон и остальные) и тут же набросились на спины кавказцев. Язычник был с каким-то бревном, которым сразу вырубил одного зверя, Толстый размашисто раздавал удары направо и налево, впрочем и сам получая иной раз (но его это, походу, не смущало), а Бычок отнял у зверя бейсбольную битку, которой тот неумело пытался его ударить, и теперь добивал ей уже лежачего кавказца... Это я всё видел фрагментарно и урывками, поскольку только мы с Лёхой увидели наших парней, как сами с кличем “Молодость!” ринулись в битву. Горела уже вторая машина, когда я первый раз упал – меня опрокинул ударом в подбородок зверь, но я, ожесточённо хватая его за ноги, принялся полосовать их ножом. И тут услышал голос Зверобоя: “Уходим!”. Меня кто-то схватил и, подняв, потащил к лесу. Это был Лёха.

Через несколько секунд мы уже были у края береговой поляны и линии леса, сюда сбежались все наши. Вид у большинства был потёртый: у Зверобоя разбит нос и бровь, примерно то же самое было на лице и у Малыша, у Толстого разбита губа, а у Лёхи под глазом проступала синева. При этом у всех были лица довольные и лучились счастьем победы. Кто-то показывал чуркам “факи”, кто-то что-то кричал; и тут мы, не сговариваясь, ещё поддерживая друг друга после боя за плечи от усталости, грянули Гимн, залихватски, с вызовом, надрывая глотки

и улыбаясь от победы: “Джовинецца, джовинецца, примавера ди беллецца, нель фашизмо э’ля сальвецца, делла ностра либерта!..”.

В этот момент на мои глаза накатили слёзы. Да нет, я не плакал – я же уже взрослый. Просто, что-то, наверное, попало в глаза...

* * *

И вот мне исполнилось 14 лет. В Цитадели “Русское Гетто” я уже провёл больше месяца и по обретению охотничьего оружия и активном участии в победоносной битве на Лианозово, стал здесь чуть ли не “в авторитете”. Посему и праздновать свою “днюху” мне было разрешено всенародно и на центральной площади городка. Зверобой даже презентовал нам два ящика пива (водка в Цитадели была под запретом, хотя кто-то из ребят и употреблял более сильные напитки по домам). Мы расставили пластмассовые кресла, как в летних кафе, деревянные скамейки и в окружении костров из мусорных баков принялись пировать... Мы – это я, Лёха, Толстый (не считая питбуля Киллера), Шансон, Волчонок и все те, кто присоединился к нам на время, чтобы поболтать или просто угоститься пивком. Кстати, последних было меньше, так как в Гетто была большая тусовка скинхедов Straight Edge, на дух не переносивших спиртное. Это, конечно, не говорило о том, что в городке царила трезвость, нет, просто пили тут культурно, как бы стесняясь ребят-сХе.

– Я же всю битву почти под машиной провёл, – верещал Волчонок, – мне так Зверобой и сказал, чтобы я бензин аккуратненько слил и всё подготовил к её поджогу, а как всё начнётся, то прятался бы, вот я под вторую машину и залез.

– Значит, когда мы кровь проливали за Русь и Цитадель, ты спокойненько отлёживался в тенёчке? – с юморным вызовом возмутился Шансон.

– Ага, – не стесняясь, продолжал мелкий неформал, – но зато я и эту машину поджог и ту, и на моём счету два вражеских транспер... трансвер... как их тварей зовут, а вот – транс-порт-ных средства, а вы лишь зуботычины раздать успели!

Все дружелюбно засмеялись над заявлениями Волчонка.

– Да чё вы прётесь? – улыбаясь, возмутился мальчишка, – я под пулями полз, оружие – биты там, шампура, прятал, чтобы вас не убили... Жизнью, можно сказать, за Белое дело рисковал; меня чурки в любой момент увидеть могли...

– Ага, – вставил Толстый, – видел я, как ты под пулями полз, с шампуром в руке, а с другим в зубах, на них ещё мясо наколото было...

Молодецкий хохот вновь разнёсся над нелегальным городком.

– Да ну вас, – беззлобно махнул рукой Волчонок и отвернулся в сторону, тут же добавив:

– О, а вот и Бычок идёт.

К нам действительно размашистой походкой через площадь направлялся Бычок.

– Слушай, – обратился я к Лёшке, – а почему его прозвали Бычком? Из-за того, что он такой здоровый, да?

– Не-а, из-за того, что он такой жующий, – ответил мой напарник и спародировал Бычка: активно двигая челюстями, обвёл всех безумным взглядом.

– Ну чё, кто-нибудь угостит бутылочкой пива ветерана Лианозовского побоища, – плюхнулся в свободное кресло Бычок и, не дожидаясь ответа, зачавкал, обводя всех расслабленным, почти мутным взглядом. Всё это было настолько разительно схожим с тем, что минуту назад продемонстрировал Лёха, что мы опять невольно захохотали, но пиво всё же Бычку дали.

– А я вот, больше собак люблю, чем других животных, – к чему-то заявил Толстый, почёсывая Киллера за ухом.

– А откуда ты вообще-то Киллера взял, купил? – поинтересовался я.

– Дружбу не покупают, – опять загадочно поведал он. – У меня была в детстве собака, но она была уже старая и померла. Тогда мне и подарили на “днюху”, как сейчас помню, на 13 лет, Киллера. А когда я ушёл из дому, разумеется, забрал его с собой.

– Так ты чё, его из дому сюда... в смысле – на улицу привёл, – удивился я.

– Ну конечно. Как же я могу оставить друга одного.

Это было сказано таким голосом, что я невольно оглядел Толстого со стороны повнимательней. Откуда такая сентиментальность в штурмовике, покрытом татуировками свастики, паутин и черепов?

– Смотрите, Ленка! – отвлек меня от изучения человеческой души Шурик, сидевший с нами парень лет шестнадцати в футболке “Terror Machine” и татуированным кельтским крестом на кисти. Потом он зачем-то заговорщически подмигнул Шансону, но тот сделал вид, что не заметил этого. Хотя заметил, это точно.

– Привет, мальчики! Что празднуем? – К нам подошла девчонка лет пятнадцати, довольно симпатичная и хорошо, но броско, одетая.

Волчонок фыркнул, Лёха скорчил недовольную рожу, Шурик откровенно разглядывал, раздевая её глазами, Шансон как будто не заметил её прихода, один Толстый нашёлся, что сказать и деликатно пояснил:

– Привет, Леночка! Да у Славки “днюха” сегодня.

– Славочка, поздравляю! – вполне искренне улыбнулась Лена, и тут же чего-то начала рассказывать и смеяться. Но я её почти не слушал, внимательно наблюдая за тем, как странно реагируют другие ребята: все сразу посерьёзтели, стали молчаливые, лишь один Шурик активно вступал с ней в разговор, ну и Толстый изредка поддакивал и неловко улыбался (не забывая при этом поглаживать Киллера).

Ленка была девушкой видимо легкомысленного поведения, почему она много хихикала и пила “шампусик”, пиво и даже где-то раздобытый коктейль в жестяной банке. Так продолжалось минут пятнадцать-двадцать, и тут вдруг в разговор, улыбаясь, вступил Шансон:

– Да, Ленка энергичная девчонка, мёртвого может расшевелить... Помнишь, Шурик, как мы с Фашистом у тебя отдыхали?

– Ага, – неуверенно улыбнулся Шурик. И Шансон, продолжая улыбаться и обращаясь ко всем, принялся рассказывать:

– Так вот, как-то я, Ленка и Фашист пили в гостях у Шурика. Ну, пьём-пьём, тут Ленка первая сама и говорит: “Ну, чё, мальчики, может поебёмся?”.

На этих словах Лена посерьёзнела и внимательно посмотрела на Шансона, а он, смеясь, продолжал: – Ну, мы чего, конечно, о’кеюшки; ну первый по-моему ты пошёл, да? – кивнул он Шурику. Тот, пряча взгляд, неопределённо дёрнул плечом.

– Ну, я и говорю. Потом я пошёл, а потом и Фашист. Ну, мы ж из деликатности из гаража-то выходили пока чужая очередь. А я то ли за пивом, то ли за сигаретами зашёл в гараж, когда там Фашик с Ленкой был; тут она меня ка-а-а-к схватит и к себе, – хохотал Шансон.

На Ленке же не было лица, она уже хотела уйти, но увидев Зверобоя, который в этот момент подошёл к нам, почему-то передумала. Боковым зрением я видел, как Лёха, подозванный Зверобоем, отошёл с ним, о чём-то беседуя. А Шансон и не думал останавливать свой рассказ и, как будто не замечая изменений вокруг, всё это время дружелюбно вещал:

– И вот мы уже вдвоём с Фашистом Ленку жахаем. А тут Шурик, видимо прочухавший, что меня долго нет, заходит, и мы работаем втроём. Вдруг, входит младший Фашиста – Гарик... Ну, в общем, когда Ленке перестало хватать природных отверстий, она принялась ещё работать руками... Потом Фашист ушёл, а с ней остался лишь Гарик, мы же стоим на улице. Тут выходит Ленка, Гарик спит из-за сексуального террора, который ему устроила Лена, мы ей говорим, что, мол, пойдём к Левобережным в гости, а она нам, знаете что? “А там мальчики будут? Будут, тогда пойду...”. Вот такая безотказная, как автомат Калашникова, и неутомимая, как швейная машинка “Зингер”, наша Леночка, – веселился Шансон.

– Дурак ты, Вася, – сказала Лена и, встав, быстро ушла в сторону жилых домов.

Шансон всё ещё улыбался, но глаза его оставались холодными и жестокими. Я видел, что при его рассказе Лена еле сдерживала слёзы и только неимоверными усилиями она смогла досидеть до конца и уйти с гордо поднятым подбородком, поэтому я невольно спросил:

– Зачем ты так с ней?

– С детства ненавижу проституток, – серьёзно сказал Шансон, сплёвывая через зубы в сторону.

Уж не знаю, но слышать от шестнадцатилетнего парнишки, что он кого-то ненавидел в детстве... да ещё и проституток, было странно.

Словно угадав мои мысли, Шансон добавил, глядя в сторону:

– Моя мать была проституткой.

* * *

Мы расходились уже под утро. Я и Лёха направились к гаражу, когда нас нагнал Волчонок, что-то воровато придерживая у груди.

– Славка, я это... хотел тебе... вот, – выдавил из себя слова Волчонок и решительно сунул мне в руки файл с листом формата А4 внутри, – с днём рождения, белый брат!

– Что это, – я с интересом рассматривал подарок.

Это был типичный детский рисунок а-ля “солнце, небо, домик, папа, мама, я”. Только вместо домика угадывались гаражи, а в разных местах картины стояли ребята. Один толстый с собакой, другой лысый в футболке,

на которой изображена коричневую морду с рогами (типа бык), ещё там был маленький мальчик (видимо автор), ну и в центре композиции – стояли два парня, один худой с добрым лицом, другой коренастый с ёжиком волос, хитрыми глазами и улыбкой до ушей. “Ба! Да это же я! Неужели я такой урод”. Стоит ли говорить, что этот рисунок был далеко не “детским”, написан красками с хорошим чувством цвета и уверенной руки (хотя и было видно, что нарисовал это ребёнок).

– Я иногда рисую, – переминаясь с ноги на ногу, признался Волчонок, – моя мечта – стать великим художником.

– Неужели ты это сам? – удивился я, переводя взгляд с картины на Волчонка.

– Никто не верит, – спокойно согласился он, настолько спокойно, что стало понятно – это он. И, улыбнувшись, констатировал: – Но всё равно лучшим остаётся австрийский художник – дедушка Адольф.

– Ну что ж... Спасибо, – искренне поблагодарил я. И Волчонок, неуверенно пятясь назад, словно стесняясь, ушёл в тень, а потом побежал в свой конец городка.

– А чего к тебе Зверобой-то подходил, – мы уже почти подошли к нашему общему дому, но я чувствовал, что Лёху что-то гнетёт, он был весь хмурый и рассеянный.

– Да так, – вяло отмахнулся он, – ничего особенного... Дал нам маршрут на завтрашний рейд.

– А почему он говорил с тобой, а не со мной? Я же вроде бы старший.

– Не знаю, – неопределённо мотнул головой Лёха, – может, не хотел тебя отвлекать. У тебя же сегодня “днюха”.

Мы зашли в гараж и тут же стали стелить кровати. Спать хотелось ужасно.

– Ну и куда мы завтра идём, – спросил я перед тем, как улечься спать.

– На Северный рынок, – ответил Лёха, и я вновь подумал, что что-то тут не так. Было в его голосе что-то такое...

* * *

Дошли мы до Северного рынка (который находился между площадкой Лосиноостровская и метро Бабушкинская) без особых приключений.

Северный рынок относился к зоне влияния Цитадели “Медведей”. Как говорил Зверобой: “Мы держим всё от Лианозовского парка до парка Лосиный остров”, – поэтому задание было обычное, и ничего экстраординарного я в нём не видел. А вот Лёха почему-то был слегка взволнован и замкнут.

Всё Северное и Южное Медведково, Бабушкинская, часть Отрадного и Алтуфьева, считались Белыми территориями, то есть власть полиции была здесь чисто номинальной: они не нападали на Цитадели (а те, в свою очередь, не устраивали терактов против отделений полиции, прокуратуры и судов), а днём не вмешивались в дела нелегалов. Совсем иная обстановка складывалась на Красных территориях, где всё контролировали власти.

Пока мы дошли до рынка и кинотеатра “Орион”, нам попалось на глаза множество пропагандистских щитов и плакатов, типа: “Да здравствует разноцветная любовь и дружба между народами!”, “Владимир Владимирович Дорогин – наш президент!”, “Народы, которые пришли обустроить и заселить наши земли – друзья” и т.п. Правда, большинство этих плакатов было залито краской или испорчено нелегалами.

Под завистливые взгляды охранников мы вошли на рынок... Я уже давно понял, что многие охранники и менты – бывшие нелегалы, которые “повзрослев”, ушли на легальную службу. Будучи в душе воинами, а не “терпилами” и “баранами”, они видели себя лишь в военном (хотя бы и наполовину) деле. Теперь же с завистью они воспринимали нас, и испытывали к “Нелегальной молодости” скорее всего симпатию, которая выливалась в откровенную помощь нам и общее Белое дело...

Мы прошли до центра рынка, где Лёха обратился к какому-то кавказцу:

– Привет, Хачик.

– Я не Хачик, я Омар, – ответил Хачик, слегка нервничая.

– Да ладно, устроил тут японский ресторан: Омар-Кальмар! Я тебя не оскорбил, мы друг друга называем Васями, но никто не обижается. Хачик – это обобщение.

– Говори, чего хотел, – согласился Омар на Хачика.

– Мы же с вами договорились, – начал Лёха, – что за прилавком стоят только русские продавцы. Тогда почему у тебя стоит твоя сестра, и ты сам здесь ошиваешься?

– Мне разрешили те, кому я плачу.

– Ты платишь нам! – повысил голос молодой “Медведь”.

– Тут ходыл молодой полицей, он сказал, что он решает вопрос и с Цытадэлью и с мэнтами, – нехотя признался кавказец.

– Ладно, пошли, – сказал мне Лёха, а потом добавил Омару: – А ты ещё за неразборчивость ответишь. На кавказце не было лица... Правда, как и на Лёхе, но по разному: у первого от страха, а у второго из-за гнева.

Мы перешли дорогу и зачем-то спрятались за деревьями, наблюдая за входом на рынок.

– Что происходит, Лёха, – не выдержал я, – и зачем мы здесь? Ты что-то от меня скрываешь.

– Щас, щас, – извиняющимся голосом ответил он, – я не могу пока говорить, но поверь мне, старший, так надо.

Надо так надо. Подождём. Мы простояли в импровизированном наблюдательном пункте ещё минут двадцать, и тут лицо у Лёши побледнело, а с губ сорвался шёпот:

– Во имя арийской крови! Это он!

Я проследил за его взглядом: из только что подъехавшей иномарки на рынок вышел молодой крепкий парень, чуть может старше двадцати, в чистой, новенькой полицейской форме.

– Да кто “он”-то? – рассердился я, – кто этот парень?

Лёша посмотрел на меня мутными и испуганными глазами и сказал:

– Меня сюда Зверобой специально послал – проверить. До него дошли слухи, так он мне сказал... Я знаю его, я мог проверить... А он? Он – это мой бывший старший, хантер Серж. И теперь меня будут судить по Законам Расовой Совести...

* * *

Суды Расовой Совести проходили в подвальном помещении клуба хантеров. Это была большая, просторная комната, оборудованная под рыцарский зал. Электрического освещения тут не было – повсюду пылали восковые свечи, а в каждом углу горело по настоящему факелу, на одной стене висел деревянный щит, обитый железом с изображением герба – крепостной башни на фоне солнца, а с противоположной стороны на стене были закреплены два меча, перекрещенных друг с другом.

Мы с Лёхой стояли посреди зала перед широким дубовым столом, за которым сидело пятеро хантеров 19-20 лет (я узнал лишь Зверобоя и Хоббита) и мужчина лет 35-ти с окладистой бородой, которого я пару раз видел в Цитадели, но жил он, вроде бы, не здесь. За спинами хантеров возвышалось большое деревянное кресло, напоминающее трон из исторических фильмов. На нём восседал человек неопределённого возраста в длинной чёрной мантии, лицо его скрывал капюшон, опускавшийся ниже глаз, тень же от капюшона закрывала остальные детали лица.

Между нами и хантерами стояла огромная, высокая свеча, воск которой от копоти стал чёрным, а от жара безформенным из-за стекающих потоков воска. Лёха стоял перед самой свечой опустив голову, а я чуть поодаль, практически у стены рядом с выходом.

– В начале, братя, – подал голос мужчина с бородой, – мы должны определиться со статусом наказания для этого брата – грозит ли ему изгнание или казнь?

– Совершённый им проступок очень серьёзный, – устало ответил Зверобой, – он обвиняется или в трусости или в предательстве.

– Значит казнь, – заключил Бородатый.

Я видел, как невольно вздрогнул Лёха и ещё сильнее вцепился пальцами в свою одежду.

– Итак, тебя зовут Лёха-сталкер, – спросил Бородатый.

– Да... мастер, – ответил Лёша. Нас заранее предупредили называть председательствующего взрослого – мастером, а сидящего позади всех (если он, не дай Бог, заговорит с нами) – Владыкой.

– А кто это стоит позади тебя?

– Мой старший – Славка-хантер.

– Хантер? – недоумённо поднял брови вверх Бородатый. – Он выглядит моложе своих лет. Хантер Славка, сколько тебе лет?

– Четырнадцать, – ответил я, и мой голос эхом отразился от стен.

Брови Бородатого полезли ещё выше, он недоумённо посмотрел на хантеров, потом, словно ища поддержку, оглянулся назад, но фигура в чёрной мантии с надвинутым на глаза капюшоном хранила молчание.

– Хотя ты и крепок и тяжёл для своего возраста, – взял себя в руки, наконец, Бородатый, – но как столь молодой человек стал хранителем Цитадели?

– Он доказал это право, – ответил за меня лидер “Медведей”, – по слухам он стал хантером ещё до нас в небольшой местной банде, потом он с одного удара победил нашего молодого хантера Обера, а чуть позже сам

достал себе оружие и хорошо себя показал в неравной битве со зверями... Ещё он хорошо плавает, – зачем-то добавил Зверобой с секундной заминкой.

– Похвально-похвально, – пробормотал мужчина, – но к хантеру Славке мы вернёмся позже, а пока что вновь к Лёше-сталкеру: итак, в чём он обвиняется?

Говорить начал хантер, которого я не знал, только слышал, что он замкнутый и почти не выходит из своего жилища, исключением являются лишь патрули и рейды:

– Его бывший старший – хантер Серж стал мусором и, пользуясь связями и информацией о Цитадели, ведёт предательскую деятельность. Если Лёха-сталкер находился с ним в сговоре, то он предатель, а возможно и шпион ZOG. Если же он не состоял с ним в заговоре, но знал о планах Сержа покинуть наши ряды и пойти работать в полицию, и не раскрыл его перед своими, то, следовательно, он – трус...

– Если только в полицию не уходят по заданию или согласию Цитадели, – недовольно добавил Зверобой.

– Согласен, – подтвердил Бородатый.

– Всё равно, – продолжил незнакомый хантер, – в данном случае это не тот вариант, посему в любом случае... хм... простите, он – или предатель или трус.

– Это серьёзные обвинения, – задумчиво произнёс мужчина, – и караются смертью... Есть ли смягчающие обстоятельства?

– Они хорошие солдаты и нужны нам, – быстро ответил Зверобой.

– Этого мало, – парировал Бородатый, и, обратившись к нам, сказал: – молодые люди, вы знаете, что правительство РФ заключило соглашения с иностранными державами и компаниями по заселению наших пограничных территорий и некоторых кварталов мегаполисов?

– Да, – кивнул Лёха, – Chinatown'ы в Невограде и Москве, городок Всекитайской Инженерно-Строительной Корпорации в Подмоскowie...

– А знаете ли вы, – продолжал председательствующий, – что чистота крови и помыслов, за которую борется ваша Цитадель, ныне является запрещённой и гонимой идеологией? А Мировым Сионистским Правительством поставлена задача по уничтожению Белой расы, к которой вы также принадлежите?

– Да, – хором ответили мы с Лёхой. А я ещё тихо добавил: – Только непонятно, как евреи собираются управиться с цветными, когда останутся одни, без белых?

Хантерам моя любознательность не понравилась, и послышалось их недовольное бормотание. Человек в капюшоне, который, казалось, уже заснул и не обращает внимание на происходящее, вдруг поднял голову и я почувствовал на себе его внимательный взгляд. А вот Бородатого мой вопрос несколько не удивил, и он ответил:

– Жиды пытаются с помощью евгеники и расовой гигиены стать новой Белой расой, другой, не такой как мы, и управлять остальными расово-смешенными народами. Но понимание вами проблемы говорит не в вашу пользу; вы осознавали всю ответственность, ложащуюся вам на плечи, и понимали, что это не детские игрушки. Итак, что ты, Лёша-сталкер, можешь сказать в своё оправдание?

Лёшка опустил голову и тихо сказал:

– Я ничего не знал о преступности его планов.

– Но ты всё-таки знал о том, что он хочет уйти?

– Он делал какие-то намёки, его возраст уже позволял уйти на легальное положение. И даже звал меня с собой.

– Но ты, разумеется, отказался?

– Да... – ответил Лёха и замолчал, глядя на чёрную свечу.

Мастер выдержал небольшую паузу и заключил:

– Итак, моё мнение таково, что это не было предательством. Осталось выяснить, был ли тут элемент трусости.

– Мы также думаем, – осторожно подбирая слова, заявил Зверобой, – что тут, возможно, имела место лишь трусость, но не предательство. Но если Лёша знал о враждебности замыслов Сержа и не остановил его, то это, безусловно, трусость.

– Лёша-сталкер, – обратился Бородатый, – теперь, когда мы примерно знаем, что произошло, я должен пояснить тебе, что твой проступок не столь тяжёл и, если ты признаешь его и покаешься перед своими братьями – я обещаю тебе, что казни не будет, мы заменим её на изгнание... Итак. Ты знал о враждебности его планов? Говори откровенно, тем самым ты спасёшь себе жизнь.

– Я не знал о враждебных замыслах Сержа, – ответил сталкер, глядя прямо на судий, – он говорил мне лишь о намерении жить вне Цитадели... хорошо зарабатывать и ездить по заграницам.

– Перед тем как вынести своё решение, – строго заключил мастер, – я должен определить форму наказания: мы можем изгнать тебя, или наказать иным способом. Решать тебе. Что ты выберешь – изгнание из Цитадели или лишиться одного из пальцев руки?

– Лишиться пальца, – нехотя, но сразу же ответил Лёшка.

– Ну что ж, – твёрдо сказал Бородатый, – это твоё решение... Прошу хантеров голосовать.

Четверо хантеров высказались о виновности Лёхи, лишь Зверобой воздержался, и Бородатый заключил:

– Итак, виновен. Но сейчас у меня есть несколько вопросов к хантеру Славке.

Меня словно током ударило.

– Будучи старшим у Алексея, готов ли ты, хантер Славка, разделить ответственность со своим младшим, и поручиться за него своим именем?

– Не надо этого делать, Славка, – тихо пробормотал Лёха, – я должен один понести наказание, ты не должен отвечать за мои проступки...

Но прежде, чем он закончил свою тираду, я ответил:

– Я готов понести всю ответственность вместе с Алексеем.

– Ну что ж..., – тихо сказал председательствующий и стал шепотом переговариваться с сидящими рядом хантерами, а потом, в свойственной себе манере обратился к нам: – Лёша-сталкер, ты признаёшься виновным не в трусости, а в неспособности уберечь и остановить своего бывшего старшего. Итак. Во имя Белой расы, перед лицом Всемогущего Бога, наших предков, современников и потомков, я приговариваю вас, хантер Вячеслав и сталкер Алексей, к исправлению сложившейся ситуации путём ликвидации угрозы, исходящей от бывшего хантера Сержа. Приговор понятен?

– Да, – в один голос ответили мы.

– Тогда можете идти. Вы свободны.

– Подождите! – голос был негромким, но мощным и пронизывающим всё насквозь, и исходил он от человека в чёрной мантии. – Мне нужно поговорить с этими двумя людьми наедине. Я прошу остальную братию выйти.

Без лишних вопросов все хантеры поднялись и во главе с Бородатым вышли из зала, оставив нас одних.

Чёрная фигура встала и, спускаясь с возвышения, на котором стояло дубовое кресло, направилась к нам, снимая капюшон с головы. Это был старец лет 50-60, идентификации его точного возраста мешали благородные, правильные, почти молодые черты его лица, и энергетика молодости, которая просто кричала в его фигуре и движениях. Зато волосы, некогда русые, ныне же поблёскивая всё больше пробивающимся серебром седины, спускались с двух сторон его шеи нестриженными локонами, ниспадая на грудь, словно посеребрённые наконечники стрел. В его благообразной, заострённой книзу бороде также были видны проблески наступающей седины. Но самым потрясающим в его образе были глаза. В голубом, сверкающем тысячами невидимых искр, взгляде этого благородного старца, как будто отобразились предшествующие поколения борцов, людей, отдавших свои жизни за Божие Дело, положивших души свои за братьев своих. Огонь неведомой веры, вырывающийся из этих голубых глаз, казалось, испепелит меня, но к моему удивлению, он лишь придал мне ещё больше решимости и открыл во мне то, что, казалось, глубоко спит в самых потаённых уголках моей души. Среди складок его чёрной мантии поблёскивал, свисающий с шеи на бронзовой цепи небольшой образок.

– Я вижу в вас благородную кровь и чистоту помыслов, – начал незнакомец, – но так же я вижу ваше будущее и в нём тяжкое испытание для вашей дружбы... Не спрашивайте, откуда мне это известно – я не смогу дать вам ответа, но лишь хочу вас предупредить. Ты, сталкер Алексей, доверяй своему старшему до конца, до последнего дыхания. А ты, хантер Вячеслав, помогай ему и... нет, это невозможно... впрочем, всё в руках Бога!.. Верь в чудо, Слава, и если никакой надежды уже не останется, и ты спросишь у меня: что делать? – я смогу тебе ответить лишь одно – *когда нет надежды, нам остаётся лишь любить и верить, верить и любить*. Запомни это. Ну а сейчас ступайте, вам предстоит важное дело. Да благословит вас Господь Бог во всех ваших начинаниях. Благословляющая рука Владыки опустилась на наши склонённые головы...

* * *

– Тихо, тихо, парни, я ж свой, – залезил бывший хантер Серж, наткнувшись на дуло охотничьего обрезка...

Найти его хату было плёвым делом – этот самоуверенный болван даже не удосужился поменять место жительства, так и проживал у мамы на проезде Шокальского. Отключить лифт, чтобы тот поднимался по лестнице, так же было минутным делом.

– Ты чё, Лёшка, ты чё? Это же я, Серж, твой старший, – скороговоркой уверял он, глядя в глаза Лёхи и поднимая руки на уровень ружья, которое наставил на него мой младший.

Лёха сам вызвался быть с оружием сегодня и, как только Серж выйдет на нас, произвести казнь предателя. Лёха так и говорил, что выстрелить должен именно он и никто другой. Но сейчас он не стрелял, как было уговорено, а стоял, широко раскрыв глаза, и смотрел Сержу в лицо. Он замешкался всего на пару секунд и, разумеется, через ещё секунду, собравшись с мыслями, выстрелил бы (я это чётко увидел на его лице, которое с каждым мигмом наполнялось решимостью, как пловец перед нырком наполняется воздухом), но... он не выстрелил. За эти две секунды произошло слишком много событий: Лёха успел испугаться, что сейчас убьёт человека и своего бывшего друга, я успел перевести свой недоумённый взгляд на Лёху, а Серж успел всё это заметить и сделать нужные для себя выводы. Он вдруг резко оттолкнул правой рукой ружьё в сторону, а левой одновременно толкнул Лёху назад, на меня. И со всех ног пустился вниз по лестнице. Ни секунды не теряя, мы ринулись за ним. Лёшка, словно почувствовав свою ответственность за случившееся, выдавал чудеса скорости и акробатики: хватаясь одной рукой за перила, он, то перескакивал через них на нижнюю лестницу, то перепрыгивал через оставшиеся ступеньки своего лестничного проёма. Но тут Серж, не замедляя бега, достал пистолет из-за пояса и, дослав патрон в патронник, передёрнув ствол, выстрелил под большим углом вверх по нам. Стрелял он не целясь, высунув руку с пистолетом из-за очередной лестницы, почему первая пуля ушла высоко над головой Лёхи, обдав нас бетонными осколками. Но это никак не остановило моего напарника: он, нырнув под пули, прыгнул вперёд, чуть прижимаясь к своей стене, противоположной для Сержа. Проехав, таким образом, на животе до этажной площадки, Лёха высунул дуло ружья на нижнюю лестницу, где всё ещё стоял Серж и вёл по мне неприцельный огонь, и, не раздумывая, жажнул картечью вниз.

Визг и стон бывшего хантера, а также звук свалившейся на пол туши, оповестили нас о попадании. Чтобы закрепить успех, я в несколько прыжков через ступени настиг Лёху, обогнул лежащего в шоке напарника и, не замедляя темпа, прыгнул к Сержу, выбивая из его безвольно лежащей на полу руки ствол.

– Лежать, блядина! – подкрепил я приказ ударом короткой биты по шее.

– Бля, парни, не убивайте-е-е, па-а-а-рни! – взвыл полицей, чья левая рука и плечо представляли из себя кровавое месиво.

– Нифигасе оглушило, – подошёл ошарашенный Лёха, активно мотающий головой. – Бронебойная у тебя гаубица, Славка, до сих пор рука болит.

– Кончай его, акробат-недоросток, – тяжело дыша, вынес я свой приговор.

– Не убивай, Лёшенька, не убивайте, братцы, – голосил Серж, рот его перекосясь, губы тряслись и с них обильно текла слюна.

Лёха, также отстранённо улыбаясь, перезарядил обрез, поднял его в сторону Сержа, и пристально посмотрел в глаза бывшего напарника.

– Не убивай, друг, есть маза на сто штук зелени, мне жизнь, вам лавэ, не убивай Лёшенька.

Второй выстрел уже не казался таким громким...

* * *

Уже вся Цитадель знала, что звери не хотят платить и что Северный рынок уходит у нас из рук.

Ответ нелегалов не заставил себя долго ждать: пара микроавтобусов и один “Nissan Patrol”, битком набитые национал-боевиками, в утренней тиши подъехали к центральному входу рынка.

– Мы пошли, – сообщил Зверобой в маленькую рацию.

Синхронность – главное оружие террористов. На заднем “чёрном” входе на рынок этой команды уже ждали полсотни белых нелегалов (голодных, жестоких, молодых). Мы повыскакивали из машин, и тут же направляясь к входу. Молодой охранник, только что скучавший на железном табурете возле стеклянной витрины “шаурма-куры гриль-шашлык-башлык”, подскочил, словно ужаленный, но бежать или сопротивляться передумал, увидев направленный в его сторону ствол.

– Руки в гору! Волына есть?! – рявкнул на охранника Хоббит, который был сегодня с ружьём, и посему оставался на время акции у входа и машин.

Охранник нервно кивнул себе на ремень, там, окромя “набора садо-мазо” (дубинка, наручники и т.д.), красовалась кобура с пистолетом. Тяжёлые времена заставляли даже охранников брать в руки огнестрел. Хоббит быстро разоружил парня, в этот же момент других охранников также лишили оружия и связали. Впрочем, те и не сопротивлялись, наоборот, давали советы кого первого лучше грабить и где “чурки совсем обнаглели”, а где ещё так, нормальные.

Быстро и не раздумывая (а чё тут думать-то, погром ведь!), я схватил табурет охранника и со всей дури (а дури во мне ого-го, как много) запустил его в стекло к “курам-гниль”. Испуганно-озабоченное лицо усатого кавказца за секунду до этого успело ретироваться под стойку (она же касса, она же разделочная, она же кухня, она

же кровать для сна). Но я не обратил на это ровно никакого внимания и уже бежал за первыми хантерами внутрь рынка.

Кругом царила паника и страх, кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то просил о помощи. Но вскоре обыватели прочухали, что им ничего не угрожает, и принялись деловито собирать в свои сумки продукты, на халяву и процветание русского человека оставленные дезертировавшими продавцами кавказской национальности. Обыватели боялись зверей, как и полицию, как и богатых чиновников, но ещё больше, чем боялись, они любили кушать, тем более на халяву.

Добежав уже почти до центра этого заповедника, я встретил первую цель: здоровенный кавказец с испуганным, затравленным взглядом (я в маске, с битой, в камуфляжных штанах и куртке “бомбер”, из-за дутости которой выглядел в два раза шире) и какой-то палкой в руке преградил мне дорогу, с явным желанием ударить меня. И он ударил! Еле успев смягчить его удар своим плечом, я потерял битку – моя правая рука, по которой пришёлся удар, безвольно повисла как плеть. Но я всё же нашёл в себе силы, и, не дожидаясь повторного удара палки, бросился на зверя и повалил его так, что он также выронил своё орудие иноземного производства.

Мы катались по грязному полу и били друг друга чем попало и как придётся. Меня уже начали оставлять силы, и я сильно рисковал проиграть в этой схватке. Да и кавказец, пыхтя и обливаясь потом, уже пытался только лишь улизнуть, и скрыться от топота и ора хантеров, который слышался отовсюду, но я держал его, держал из последних сил. И вот, когда я уже потерял всякую надежду, что мне помогут, а зверь на карачках уползал от меня (хотя я его и держал за ногу) и он уже видел себя в старости на кресле-качалке, окружённом зверятами – его детьми и внуками, и читающим им свои многотиражные мемуары с названиями на томиках: “Мои встречи со Славкой-хантером”, “Ребёнок в обличие дьявола, или Славкататор” и самоучитель по выживанию “Я видел Славку, и выжил!”, но его мечтам не суждено было воплотиться в реальность, потому как, тут его вырубил тяжёлый “Getta Grip” Лёхи, моего напарника...

– Ты чё здесь? В бой же сегодня шли одни старики... Тьфу ты... То есть хантеры, – поинтересовался я, вставая и отряхиваясь.

– Да пошли они, – улыбнулся в ответ Лёха, – тем более, если бы не я, ты бы с этим зверем-переростком до зимы бы провозился, ха!

– Если бы, да кабы, во рту росли бы адронные коллайдеры, – пробурчал я, и мы пошли далее творить разумное, доброе и вечное.

Особей сорок кавказцев, включая женщин, уже укладывали лицами в пол посреди рынка (били, правда, лишь мужиков). Где-то сбоку Киллер кого-то рвал на части, но переживать за кого-то постороннего не приходилось – Киллер натаскан лишь на цветных. Тут же, неподалёку, Толстый разрушал прилавок, пытаясь достать оттуда схоронившегося зверя. Рядом бегал какой-то старик с авоськой и, жуя чужое яблоко, весело подбадривал хантеров:

– Рубите их, хлопцы, пусть уезжают в свой Бобруйск, животные!

– Пацаны-мацаны! – подбежал к нам с Лёхой Шансон. – Там звери в администрации запёрлись!

Мы добежали до кирпичного здания администрации рынка как раз тогда, когда оттуда вылетел начальник охраны в порванной куртке, и с довольной рожей и заявил:

– Еле убёг от этих камикадзе, заперлись они там, блин. Чё вы смотрите, нелегалы? Да подожгите их на хер!

– Бензин! – крикнул как всегда серьёзный Зверобой и одобрительно похлопал по плечу начальника охраны, которого уже связывали наши бойцы.

– Крепче вяжи, крепче, – давал дельные советы начальник рыночной охраны, радостно поясняя, мусора приедут, допрашивать, проверять на лояльность будут; так что крепче меня связывай. А то скажут, что сам.

Бензин принесли быстро, а так же заранее приготовленные, как раз для такого случая, бутылки с зажигательной смесью. И всё это безобразия принялись закидывать в дверной и оконные проёмы администрации рынка. В общем, фееричное зрелище происходило на наших глазах.

– Уходим! По машинам! – прокричал Зверобой и все мы, не спеша, побежали к выходам с рынка. **Цитадель 5:0 Звери.**

* * *

Несколько дней все только и говорили об этой акции. СМИ называли наши действия преступлением против человечности, а так же ввали об изнасилованиях, мародёрстве и поголовном наркотическом опьянении в среде акционеров. А местные жители, наоборот, хвалили нас, называли защитниками и слали в Русское Гетто подарки и продукты. Старшие ребята хотели закрепить успех и принудить цветных уехать с севера Москвы, или заставить платить, в том числе смешанные и этнические преступные группировки. И посему, мы уже третий день с Лёхой

(впрочем, как и многие другие) выходили на рейд в красные районы СВАО города Москвы. Вот и сейчас мы шли по спальному кварталу Отрадного, где-то между метро и “китайской стеной”. Была ночь, а значит и комендантский час, и мы не спеша беседовали, периодически разбивая лампочки на фонарях.

– Вот мы дураки! – тихонько причитал Лёшка. – Надо было взять у Сержа денег, а потом уже кончать его. Или обыскать хотя бы, может у него с собой чё было.

– Да ладно, гнал он всё, не было у него таких денег. А говорил, не боясь, об общаке, возможно даже нашем, – уверял я его.

– Да-а, наверное... Но всё равно, это ж надо, сто тыщ зелени профукать, – и он мечтательно, почти любовно, взглянул вверх, туда, где в обычных местах нашей планеты видно небо и красивые звёзды, но тут – в городском Гетто – неба не было, а были бетонные стены и вечные выхлопные облака, и Лёха со вздохом добавил, ни к кому не обращаясь: – Сто тыщ зелени, блин! Сто тыщ, падла, зелени, блин!

Видя столь поэтический настрой моего напарника, я постарался хоть как-то его поддержать:

– Да брось ты, Лёшка. Не в деньгах счастье...

– Знаю, Славка, – вдруг серьёзно отозвался Лёха, – настоящее счастье – знать, что у тебя есть настоящий друг. А дружбу, как и любовь, не купишь, ведь так?

– Это тебе лучше у меня спросить, чем у Славки, – раздался хриплый девчачий (да, и такое бывает) голос из темноты.

– Ленка?! – остановились мы как вкопанные, не веря своим ушам.

– Ты где? – крикнул я, – и чего у тебя голос такой убитый?

В ответ раздался кашель и её приглушённый, болезненный смех:

– Очень точное определение, Славочка.

Мы, наконец, сошли с освещённой дороги, где тускло помигивал один-единственный фонарь, и около гаража-“ракушки” обнаружили Лену. Она полужёла облокотилась на гараж, тяжело дышала и держала обе руки на животе. Сразу было видно, что она ранена.

– Ты чего? Ты где это так? Да как же ты так? – испуганно лепетал Лёха, осматривая девчонку.

Ленка была вся в синяках и порванной одежде, но главное было не это – её клетчатая юбка, кофта и даже земля под ней, всё было пропитано её кровью, а на животе была ножевая рана, откуда виднелись внутренности.

– Вот такая я сильная, мальчики, как швейная машинка “Зингер”, – с горькой иронией пробормотала Лена и изшла в кровавом кашле. – Два раза отключалась, – продолжала она, – но сумела до дороги доползти...

– Кто это сделал? – лаконично и сухо спросил я, переворачивая её в горизонтальное положение и кладя её затылок себе на колени.

– Звери; кто же ещё? – с трудом ответила она. – Поймали, узнали, что из Цитадели, изнасиловали, выпустили кишки и ушли, всё просто до банальности...

Я достал мобильник:

– Ща мы “скорую” вызовем, всё будет хорошо.

– Не смейся, Славка, – сказала Лена, закрыв глаза, – ты прекрасно знаешь, что нелегала оставят подыхать, ведь комендантский час, на вызов приезжают полицаи и лишь, если они дадут добро, едут лепилы-доктора... Да и умираю я, чувствую... Уже два раза умирала за сегодня, да вот Бог дал до вас доползти... Смешно и страшно умирать в пятнадцать лет...

– Какой умирать?! – завыл я от бессилия. – Ты выживешь, слышишь, всё будет хорошо! Держись, Лена!

– Держись, Лена, – умоляюще повторил за мной Лёха.

– Нет, мальчики, для меня всё потерянно, – и она вновь закашляла, с трудом продолжая: – Странные вы все – мальчишки, мужчины... Вы ищете нашу любовь, иногда обращаетесь даже на коленях... а потом называете шалавой и проституткой... Наедине вы нас любите и боготворите, а на людях – ненавидите. Наверное, вы боитесь показать свою слабость...

– Да не слушай ты этого Шансона, – со слезами на глазах затараторил Лёха, – он дурак, он был не прав тогда...

– Да нет, Шансик был прав, я дарила любовь, не имея на это права... Но ведь никто из вас не удосужился спросить у меня, как я такой стала и как мне тяжело... Большинство наших мальчишек живут без мамы и им просто физически необходима помощь, ласка, просто разговор... Многие, очень многие из Цитадели приходили ко мне: дарили цветы, упивали пивом... один стихи читал... даже Волчонок приходил – картину мне подарил... мой портрет... ну какая ему в одиннадцать лет женщина нужна, ему мама нужна... он сказал, что я очень красивая.

Она на миг замолчала, а потом посмотрела на меня и серьёзно спросила, будто от моего ответа зависела сейчас её жизнь:

– Как ты думаешь, Славка, он сказал правду?

– Да, Лена, – стараясь подбирать каждое слово, ответил я, – ты очень красивая.

– Как жаль, что при мальчишках мне ещё никто не осмелился это сказать... Вы все очень хорошие ребята, даже Шансон. У вас добрые сердца и есть Идея, вы живёте и умираете не просто так, а за что-то... Как вы поёте? На итальянском вроде бы?

– Джовинецца, джовинецца, примавера ди беллецца, – еле ворочая язык, охрипшим голосом тихо прочитал я, – нель фашизмо э'ля сальвецца, делла ностра либерта...

Она слушала, затаив дыхание и закрыв глаза, а когда я закончил, тихо произнесла:

– Красиво... Как ты говоришь? Джовинецца, – смакуя, повторила Лена, – Красиво. Я тоже хочу умереть не просто так, а за Идею... За “джовинеццу”, да?

– Да, – еле выдавил я из себя ответ, – да.

– Когда я в восьмом классе пошла на панель, – спокойным тоном продолжила она, – другого пути не было – мать пила, братик болел, нужны были деньги. Но щас, я хочу выбрать иной путь. Путь к свету... к “джовинецце”... – фонарь то горел, то мигая, потухал на пару секунд, вдали послышался лай собак и полицейская сирена, а мы, почти не дыша, слушали исповедь маленькой девочки, которой выпало слишком много горя на её маленький век. – Вы все хорошие ребята, и я хочу быть такой же как вы... Простите меня, если сможете. Скажите, пожалуйста, Зверобую, что я умерла русской, белой девушкой.

– И гордой, – тихо добавил Лёша.

– И гордой, – согласилась Лена, закрывая глаза. – Как всё-таки страшно умирать... Слава... возьми... меня, пожалуйста, за руку... холодно.

Старый уличный фонарь последний раз мигнул и потух, погрузив нас в темноту.

Девчонка на моих руках не дышала, а Лёша тихо плакал, пока его никто не видел.

* * *

Смерть Лены шокировала всех в Цитадели. И хоть никто, разумеется, по бывшей проститутке траур не объявлял, но несколько дней все ходили смурные и говорили лишь об этом, а Хоббит в Хантер-клубе даже толкнул речь о каком-то немецком парне – Хорсте Весселе, у которого девчонка была проституткой, что не помешало ему её любить и быть очень-очень крутым нелегалом. Все цокали языками и тяжело вздыхали, в конце решив, что быть проституткой неприемлемо и позорно для белой девушки, но Лена искупила грех кровью и погибла фактически за убеждения: из-за того, что она проживала в Русском Гетто и всем также известно, что она никогда не была звериной подстилкой, отказывая всем нерусским в любви. Один лишь Шансон, казалось, не замечал всеобщего настроения и беззаботно болтал и шутил со всеми. Но никто не одергивал и не останавливал его – все знали, что язык у него острый как бритва и связываться с ним себе дороже.

К слову сказать, пару кавказцев из той ватаги, что надругались над Леной, мы потом нашли (хотя специально, конечно, никто не искал; во всяком случае, все так говорили и уверяли друг друга). Впрочем, я расскажу вам об этом. Со слов ребят и допрошенных чурок, события той ночи видятся мне примерно следующим образом.

Беседуя меж собой, двое кавказцев неспешно шли к себе домой. Они находились на красных территориях и здесь они были полноправными хозяевами: нелегалов-молодых фашистов тут не бывало, от полицейав всегда можно было откупиться и, значит, обывателя можно безнаказанно грабить, насиловать, а если что, то и убивать. Они сильные, молодые и храбрые, не то, что эти русские.

Вдруг предутреннюю городскую тишину пронзил крик, имитирующий волчий вой: “Ата-а-у-у-у-льф!!”. Голос был далёким, квартала два в стороне, но чурки со страхом переглянулись.

– Ледея, пошли, не по нашу душу, далеко они, – подал голос старший кавказец лет тридцати.

– Охота, – то ли спросил, то ли заключил второй, парень в спортивном костюме, чуть старше двадцати.

– Да, – подтвердил тот, который постарше, незаметно убыстряя шаг, – молодая стая волков, но аны прашлы дальше, далико от нас.

– Атау-у-у-льф! – второй вой, казалось, раздался еще дальше, чем первый, как бы подтверждающая слова старшего кавказца.

– Вот ведь, нас ещё зверами называют, – осмелевшим голосом начал младший, – а сами воют как собака. Обзываются, что мы ослов ебом...

– А ты ведь, Мага, из аула родом, – хитро прищурился старший кавказец, – и чэто, хочэшь сказат, не ёб осла?

– Ну ... это, – замылся молодой, – так у нас все ... порядок такой ... чтоб, как говорится, мужычиной стать...

– Да знаю я, знаю, – успокоил его товарищ, – это лишь эти бабы-русские не знают, что такое быть мужчиной. Они зарезат баран не могут, не то, что трахнуть!

Кавказцы захохотали, окончательно снимая нервную скованность в связи с перенесённым страхом последних минут.

И тут молодой вой раздался совсем рядом от беспечных бандитов, казалось, он вырвался из соседней арки.

– А-а-а-тау-у-у-льф!

Кавказцы бросились наутёк, то и дело, слыша с разных сторон грозный клич молодых “волков”. Иногда дорогу им преграждали ужасные тени, в которых угадывались очертания бритоголовых парней в блестящих и тяжёлых черных ботинках, тогда они резко сворачивали, избирая новый маршрут для бегства. Они даже не заметили, как уклонились от своего района и оказались у дороги Овраг – речная зона с небольшой речушкой. Тут их уже почти пинками, в открытую, нелегалы погнали через дорогу.

Кавказцы бросились в лес в надежде укрыться в каких-нибудь тёмных кустах, но тут им дорогу преградило настоящее чудовище. На вид “чудовищу” было лет 25, не больше, но зато роста в нём было более двух метров, причём вширь было не намного меньше, лицо и бритая под ноль голова “чудовища” обильно покрывали шрамы и рубцы и оно страшным голосом орало:

– Ратибог!!!

В общем, когда мы с Лёхой добежали до зверей, хантер Вырвидуб (который и был тем самым “чудовищем”), уже связывал нокаутированным кавказцам их же ремнями руки за спиной.

Родичи (от аббревиатуры РОД) уже деловито оттаскивали зверей подальше от дороги – в чащу, а я не преминул воспользоваться паузой и спросить у Шансона:

– А чего это он Ратибога какого-то звал, язычник что ль?

– Сам ты “язычник”, – оскалился Шансон. – Это ж надо, Вырвидуба хриstopродавцем обозвать! Да не, он христо-ариец, как и большинство из нас. Он как поддаст, только и делает, что Псалмы орёт, а Ратибог – это и есть Бог Отец. Его же Саваофом кликали, а Саваоф по-русски так и будет: Бог Воинств или Бог Ратей – Ратибог.

– Хм... – задумался я, – а какая разница: христианство “обычное” или христо-арийство?

– Ну-у, зёма, – протянул он, – это надо у стариков спрашивать, а не у меня. Вот это видишь? – тут он достал из-за пазухи верёвочку, на которой болтался нательный крестик.

– Ну. Крестик, медный вроде – ответил я.

– Медный вроде, – передразнил меня Шансон, – крестик-то крестик, да не простой.

Я пригляделся к кресту. Ба! Да это же свастика, стилизованная под крест.

– Свастика!

– Мне больше нравится название “коловрат”, – поправил Шанс.

– Круто-о, – с завистью присвистнул я. – Над Цитаделью знамя с этим ... с коловратом развивается, на Высоком здании.

– А-а-а!!! – вдруг заорал один из кавказцев, которых начали пытаться. Мы с интересом посмотрели, как Вырвидуб на пару с Бычком пытались пропихнуть в задний проход зверя какой-то предмет, и вновь продолжили беседу:

– Слушай, Шанс, – теперь уже интересовался Лёха, – а че этот Вырвизуб...

– Вырвидуб.

– Ну, я и говорю, что не глаз. Дык чего он, – продолжал Лёха, – всё про негров каких-то рассказывает. Два раза видел его на общих празднествах и всё он мне за негров втолковывал. Окружают, мол, нас, к Цитадели подкапываются...

– А он их гасит, – засмеялся Шансон.

– Ага, – улыбнулся и Лёха.

– Это его в одной из битв сильно по голове ударили, – пояснил Шанс, – вот он иногда и видит... негров, особенно когда выпьет. Только вы при нём, – перешёл он на шёпот, – не показывайте вида, что не верите, так все “Медведи” делают. Во-первых, чтобы не обидеть человека; а во-вторых, он ведь здоровый, блин, затопчет, если что... А так, голова у него, вообще-то, отбита – зрение на нуле, да и негры эти, ага.

– Ну-у? – с уважением посмотрели мы на Вырвидуба, который, к слову сказать, в этот момент деловито ковырялся напильником в зубах у старшего чурки.

– И чего эти чуркобесы ведут себя так, словно в реале звери, – задался вслух я вопросом, – ведь в Русском Гетто живет парень с Кавказа, Алан, по-моему, нормальный, здоровый малый.

– Сравнил, Славка, тоже мне, – нахохлился Шансон. – То другие кавказцы, на Кавказе вон всю жизнь казаки жили, это вобще славянская земля; а Алан тоже парень мировой – фашист прожённый, да и осетин он православный и мать русская здесь же, в Цитадели, есть нам готовит.

– Да знаю я, знаю. Вот и не понятно мне – почему одни такие – за русских, да и на нас похожи, а другие – звери.

– Да потому что, – ответил неугомонный на разговор Шанс, – одни белые, а другие чернее ночи, блин!

– А Алан не кавказец. Русский он, – подвёл итог Лёха.

– Ну, ну, - закивали мы головами в знак согласия.

– Ну что, бродяги, – подошёл к нам Бычёк, – всё они рассказали: молодой чурка был среди тех, кто Ленку изнасиловал, а тот, кто постарше, сдал нам своих командиров – они купили около Лосинки кафе тире ресторан и к рынку тамошнему яйца подкидывают, обустряиваются, значит. А этих ща Вырвидуб кончать будет.

– Зверобой насчёт Лосинки доложить надо, – веско заметил Шансон.

– А то! – согласился Бычёк, - не для того мы на рынках пишем: «только для Белых!», чтобы хачи тухлыми яблоками под нашим носом...

– Ратибог! – раздался страшный рёв со стороны Вырвидуба. Все внимательно посмотрели на богатыря, а Шансон тихо заметил (ну н умеет Шанс просто стоять и молчать): – Ща псалмы из Библии читать будет, сто пудов.

А тем временем Вырвидуб продолжал, обращаясь к небесам:

– Ратибог! Это во исполнение святой мести – Мстиславы, и подойдя к молодому кавказцу занёс нож. – “Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаться восстающими на Тебя? Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне!”. Хрясь, и тело младшего кавказца с распахнутым как спортивная сумка горлом упало под ноги гиганта.

Не обращая внимания на кровь и предсмертные конвульсии тела зверя, Вырвидуб перешагнул через него и подошёл ко второму:

– А это во имя очищения нашей земли от цветных орд иноплеменных. “Да обратятся нечестивые во ад, все народы, забывающие Бога!” – шмяк, и второй кавказец, с разрубленным горлом, повторил незавидную судьбу первого.

– Офигеть можно, офигеть!.. – ошарашенно бормотал Леха.

– Вот такая вот петрушка, полный аминь, – резюмировал Шансон...

* * *

Ну, примерно так развивались те события. Но вместе с ним нам перепала и очередная забота – кавказцы с Лосиноостровской. Правда, там намечались ещё хорошие деньги, которые собирали с округи звери.

Итак, было решено, что все участники и свидетели памятного допроса (следовательно обладающие информацией, которой не стоит распространяться по всему Гетто), автоматом записываются в зондер-команду по ликвидации “черной угрозы”.

Так же в акции решил принять участие сам Зверобой, а так же Хоббит и Малыш. Пришел приказ вооружиться (“но по легкому”) и я взял с собой ПМ Сержа (“земля ему пухом, мусору поганому”), а Леха пару самодельных гранат, которых было в цитадели как грязи (в пакет из-под бинта забивали взрывчатку, в отверстие сверху вставляли охотничью спичку замазывая отверстие пластилином, а потом по потребностям, заматывали гранату скотчем кладя под каждый слой шарики – пульки для пневматики).

И вот мы: Зверобой, Хоббит, Малыш, Вырвидуб, я, Леха, Бычек, Шансон и Злой (младший Вырвидуба, 17 лет от роду, который также участвовал в поимке и допросе врагов, он был тогда чуть в стороне, “на шухере”), заряженные (т.е. со стволами) подходим к ресторану. Хоть наступила уже осень, и было прохладно, около крытого бара располагались столики, кресла и зонтики также и на улице. А позади этого отдельно-стоящего здания находилась мини-автостоянка с охранником кавказцем и кучей хороших машин (джипы, “Хаммеры”, БМВ и т.д.), куда и был послан для совершения диверсии Злой. Мы же, чуть расступившись, остановились метров за десять до входа и принялись ждать.

– Только стрелять не сразу, – предупредил Зверобой, – и аккуратнее, в русских не попадите.

– О’кеюшки, командир, все будет в ажуре, – заверил Шансон присаживаясь вместе с Хоббитом за один из столиков лицом к входу кафешки.

Из-за угла показалась довольная рожа Злого, показала большой палец и вновь ретировалась за углом.

– Теперь, Лёха слушай сюда, – обратился Зверобой к моему напарнику, – идешь сейчас к Злому, он уже убрал охранника, – у Злого был пистолет с самодельным глушителем, состоявшим из пластиковой бутылки и набитой туда стекловаты. – Там у них машины и задний служебный вход, вы должны кинуть дымовую шашку

внутри – там кухня, застопорить дверь, чтобы они не вышли на вас, а пошли к нам, и одновременно с этими действиями взрываете гранатами пару их машин. Знаешь, как взрывать? На колесо под бензобак...

– Обижаешь.

– Отлично. С Богом!

Леха отошел от нас, а Зверобой уже звонил кому-то по “мобиле”:

– Але, ну ты где, мы на месте.

Тут из ресторанчика вышел пожилой мужчина в серенькой кепчёночке на голове и мобильником у уха.

– Да-да дорогая, я уже иду, – говорил мужик в трубку, слегка повышая голос, как делают это все пьяные люди, – нет, я не пил...

Тут он поравнялся с нами и так же громко, но отчетливо, продолжал:

– Шесть зверей, одна баба, русских нет.

Зверобой, не поворачиваясь к уже удалявшемуся мужику, тихо проговорил в трубку:

– Спасибо, старый. Не забудь еще к ментам, они нам тут не нужны.

Дослушав ответ, он убрал телефон.

– Знакомый фейс у этого старого, – вслух задумался Вырвидуб, – где-то я его видел.

– Где-где, в Цитадели, – напомнил Хоббит.

– А-а! – хлопнул себя по лбу Вырвидуб (да так, что птицы с ближайших деревьев со страха поднялись в воздух). – Точно, он нам жратву на “Газели” привозит.

– Ладно, всё, тихо, – остудил всех Зверобой, – ждём.

Ждать пришлось недолго. Только птицы, распуганные Вырвидубом, уверовали в то, что это была ложная тревога и присели вновь на своих ветках, как раздался гром взрывов, настолько сильных, что сразу у многих машин заорала сигнализация. А что нам скрывать? Во-первых, это акция устрашения (“терроризм – это искусство, а искусство требует жертв”); а во-вторых, наш водила (роль которого играл Бычёк) ждал именно такого сигнала, поскольку стоял в некотором удалении от нас – на другой улице. Уже секунд через 5-10 первые кавказцы вываливали из кафе (и действительно “вываливали”, по-другому не скажешь, настолько они были жирными и еле проползали в дверь). Чуть отпустив их от входа, чтобы позволить следующим появиться на улице, мы методично, как в тире перестреляли их всех.

– Пятеро, – пересчитал Зверобой, тихонько подбираясь к выходу, – а должно быть семь, включая бабу за прилавком, еще один остался. Пошли. Он аккуратно перешагнул через труп кавказца, который распростерся в дверях, преграждая вход, и быстро прыгнул вперёд и в сторону, врываясь в помещение. Когда мы все зашли внутрь и немного огляделись (надо сказать, сильно нервничая, и вода по кругу стволами пистолетов), из подсобки-кухни раздался голос Лёхи:

– Эй, родичи, это я, Леха, не пристрелите?

– Иди, – крикнул Зверобой, опуская ствол.

Мой напарник появился за барной стойкой, настороженным взглядом обвёл зал, а потом уставился вниз, в угол, скрываемый от нас барной стойкой, которая, как и везде разделяла зал с баром и кухней. И вдруг, как заорёт:

– А-а, блядь, ложись!!!

Зверобой за секунду сиганул в ближайшее окно, выбивая стекла, Шансон в один миг успел добежать до двери, а в следующую секунду выпрыгнуть вон, Хоббит и Малыш просто тупо грохнулись на пол, опрокинув на себя деревянные столы, а Вырвидуб, подтверждая своё погоняло, с криком: “Кровь Христова!”, проломил фанерную перегородку и прыгнул, таким образом, в подсобку (хотя по идее надо бы рвать когти на улицу, а не на кухню). И только я, как дурак, стоял и пялился на Лёху, понимая, что уже опоздал. Лёха также стоял и никуда не прыгал (что и явилось одним из факторов моего секундного замешательства, но теперь уже, наверное, было поздно), я даже подумал, что раз погибать, то вместе...

Лёшка поднял на меня взгляд, недоуменно повертел головой в поисках ребят, и тихо спросил:

– Че это они?

– Так ты же сам крикнул “ложись”, – осторожно напомнил я.

– Дак это я не вам, а ей, – протараторил он, пнув что-то, лежащее перед ним на полу, ногой. “Что-то” ойкнуло и запричитало женским голосом, чтобы её не убивали.

– Вот я и говорю, – вошел, как ни в чём ни бывало, Шансон, отряхивая штаны от грязи, – не хера дворники не работают, кругом листья, мусор, окурки, честному преступнику уже и упасть негде.

Тут же вошел Зверобой, интересуясь все ли живы, насмешливо глянул на дыру, формой напоминающую человеческий силуэт, на встающих и отряхивающихся Малыша с Хоббитом, и обратился к Лехе:

– Че ж ты кричишь-то так страшно, а?

– Как учили, так и кричал – насупился Лёшка, – громко, чётко, страшно и с напором, чтобы закошмарить и подчинить, – отчеканил он, словно на уроке по диверсионной подготовке.

– Это у тебя получилось, закошмарил, правда в основном только своих, – недовольно пробурчал Малыш.

– Почему? Она тоже упала, – не сдавался Лёха, – и нож выронила...

– А, так вот чего Лёха так страшно кричал, – улыбнулся Шансон, – он бабу чурекскую с ножом увидел! Все дружно засмеялись, не забывая при этом обыскивать помещение, кассу и поглядывать на улицу.

– А где тогда последний чуркобес? – напомнил о недостающем враге лидер “Медведей”.

– Да мы ж его уже накрыли, – оживился Лёха возможности оправдать доверие, – у заднего входа на него накинулись и застрелили.

– Все! Деньги у меня, нашёл, – ворвался в зал из подсобки Злой, – уходить надо.

– Уходим! – подтвердил Зверобой, напоследок крикнув в сторону бара, – уходим Вырвидуб!

– Да-да, ща, уже готов, – хантер-переросток выбежал из-за барной стойки, причём в руках, зубах и на шее имея годичный запас колбас и дорогого алкоголя, которого хватило бы для какой-нибудь африканской республики.

По дороге во двор, где нас ждала машина, все шумно, хихикая, обсуждали, кто же всё-таки больше испугался: Лёшка (у которого и ствола-то не было) или баба, с кухонным ножом сидевшая под прилавком. На что Лёшка недовольно бурчал, что он всех спас, эти чурекские бабы известные “джеки-чаны” и если бы он её не остановил, неизвестно, как повернулась бы судьба акции.

На обратном пути в Цитадель, полицаи старательно делали вид, что не замечают наш белый “Nissan Patrol”, а мы на всех парах неслись домой, кто сидя в кабине, а кто в кузове. Весь северо-восток Москвы знал, что на таких джипах разъезжают нелегалы из Русского Гетто и называли их просто: “Белым патрулём”...

* * *

В Русском Гетто было множество спортзалов – один большой (в котором играли в футбол и устраивали соревнования по рукопашному бою и боксу), один малый – боксёрский (так же с рингом) и три малых – тренажерных (со штангами, гантелями, самодельными аппаратами для силовых нагрузок созданные местными кулибиными из железного мусора и автозапчастей, ну и, разумеется, боксерскими грушами и мешками).

В одном из таких малых спортзалов как раз и располагалась походная парикмахерская и переносной тату-салон “White power-эстетика”, в котором мне полуслепой мастер Ромпер делал на предплечье татуировку, изображающую оскалившегося медведя; рядом другой мастер “забивал” могучую грудь Вырвидуба молотками и крестами; а на лежанке для штанги сидел Леха, забриваемый Шансоном под ноль, с грозным видом даже успевая раскачивать гантелью, делая вид, что выполняет силовые упражнения.

– И зачем я согласился? – в очередной раз задал я гипотетический вопрос, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Первый раз всегда больно, – непонятно к чему ответил Ромпер.

– А я буду следующим, – заорал Леха (машинка стригла его виски, и он видимо плохо слышал, да и музыка в “салоне” играла довольно громко), – и лучше бить меня этой же иглой, что и Славку, мы же хотели забрататься с ним!

– Фу, как не гигиенично, – поморщился подслеповатый тату-мастер.

– Зато практично! – заявил Вырвидуб и совершил героический глоток пива из своей, не менее героической, бутылки. – Помню, пошел я по нужде после отмечания дня рождения Дедушки, выхожу на воздух, а там негров штук пять, не меньше, и все под два-пятнадцать ростом.

– Хм, – недоверчиво буркнул Шансон, но хантер-переросток не заметил этого.

– И все похожи друг на друга, как кровные братья! Я вот чего думаю, поблизости с Цитаделью колдунья-вуду обосновалась, вот и плодит нечисть. А негров тех я победил – разорвал на части...

– Кто пьет много пива, тот всегда мыслит криво, – заметил Ромпер, который отличался степенностью и мудростью, ведь он уже был ужасным стариком, ему было целых тридцать два года!

Вырвидуб подозрительно сощурился на мастера и с угрозой в голосе прошипел:

– Ага, я так и думал, кругом одни стрит-эйджи. Нас окружают, это заговор. Они захватили власть в Цитадели, и теперь будут морить нас жаждой и кормить молочной кашей. Зверобой смещён, Толстый убит, Киллер повесился... конечно, как бы этот замечательный пес выдержал бы их диету и воду очищенную через специальные фильтры, ага?

– Тьфу, – сплюнул Ромпер в урну, стоявшую здесь именно для этого, и витиевато выругался не литературным русским языком.

– То-то, – улыбнулся Вырвидуб, – я знал, что окажусь прав!

Ромпер беспомощно махнул рукой в его сторону, что признаться, меня слегка напрягло (мне же бьют татуировку, не Ромперу). Обстановку разрядил Шансон:

– И зачем вообще надо делать себе партачки? Палево ведь.

– Это тебе мусора сказали, что палево? – поинтересовался мой кольщик. – Без татуировок им действительно проще в наци-фронт внедрится. А я вот что скажу: чем больше у камрада татух, тем больше к нему доверия. Значит давно убежденный солдат Белой расы.

– Во-во! – обрадовался Вырвидуб, – шаришь дитятко!

И они ударили друг друга по кулакам с довольными лицами.

– Я знал, что стрит-эйджи эти нормальные ребята, – непоследовательно добавил здоровяк.

– Не стрит-эйджи, – поправил его старый кольщик, – а страйт эдж.

– Ну и я говорю – смак эдж, – согласился Вырвидуб.

– Стр-эйт-эдж – по слогам произнес побагровевший Ромпер.

– Стринг-гей-дж? – так же по слогам вопросительно уточнил Вырвидуб.

– Straight Edge! – выкрикнули хором оба кольщика.

– Да ладно, ладно, понял я, скай-фейсы гребаные, ага, – забубнил здоровый хантер и уже под нос себе тихо добавил, – фанатики-сектанты, блин.

Но тут семейную ссору прервала, влетевшая пулей в спортзалчик, Скинкэт – симпатичная девчёнка лет семнадцати с короткой прической “челси”:

– Вы че сидите?! Жидовизор включайте, там по всем каналам президент нам войну объявляет!

– Че? Какой президент? Какую войну? Где негры? – сразу понеслись вопросы со всех сторон. Один лишь Шансон, похоже, все успел понять и уже включал телевизор.

Когда музыку выключили, нашли нужный канал (“ах, чёрт! И тут негры!”, – в панике кричал Вырвидуб, увидев случайно включенный MTV) и ребята притихли, мы услышали историческую речь президента: «Многочисленные акты насилия, надругательства над нашими святынями и исторической памятью нашего народа, превратившие окраины наших городов в цитадели разврата и фашиствующего экстремизма, вынуждают нас на ответные действия!»...

* * *

Из выступления президента Российской Федерации 8 октября 2017 года:

«Беда часто приходит к другим, к Гаити, Малазии, США... Но сейчас эта беда пришла и к нам. Нашу национальную беду зовут – фашизм. Это намного страшнее землетрясений и наводнений. Поэтому я выступаю перед вами с этим обращением, дорогие соотечественники. Непрекращающаяся волна насилия, надругательства над нашими святынями и исторической памятью нашего народа, однажды уже победившего фашистскую чуму, распространяются из этих цитаделей разврата и фашистского экстремизма и ксенофобии на окраинах наших мегаполисов. Неконтролируемая детская преступность, этнические конфликты, все это нагнетается оттуда, а проплачивают эти смертоносные процессы спецслужбы, некоторых, недружественных нам, западных держав. Все это вынуждает нас к следующим действиям: в Москве и Санкт–Петербурге вводится военное положение. Мы договорились о гуманитарной и военной поддержке с дружественными нам странами (Китай, Турции, Франции). Стихийные городки детской преступности и экстремизма подлежат полной и безоговорочной ликвидации. Мной уже подписан указ о создании специальной Государственной Комиссии по борьбе с фашизмом и отданы соответствующие приказы специальным подразделениям силовых ведомств. Все подростки и дети будут переведены в созданные специализированные учреждения, типа детских санаториев. Мы не жалеем денег для наших с вами детей; ведь это наши дети, этого не стоит забывать. Дети – наше общее будущее! Слава России!».

* * *

– Дерьмо собачье! Вот ведь, дерьмо собачье!

Случайный осколок полицейской гранаты практически отрубил ступню у 15-летнего Бапса и он теперь вопил от боли на все Русское Гетто.

– Лёха, Шансон, быстрее уберите его оттуда! И несите сразу в лазарет, я один тут пока справлюсь, – прорычал я, перекрикивая нецензурную брань Бапса. Ребята без вопросов подхватили своего раненого товарища и понесли вглубь Цитадели.

Обычно полицаи не вели огонь по пустырям возле Гетто, но сегодня дежурили “французы” (представители военного контингента Франции; все, как один, негры) и в их смену часто бывали обстрелы гранатомётами оврага и пустырей возле Цитадели, для острастки нелегалов, чтобы не уходили с передней линии обороны (первых гаражей) вглубь, освобождая, таким образом, путь полицейским частям. Вот одна из этих “французских” гранат ненароком и угодила чуть ближе к гаражам, чем остальные ее собратья, и большим осколком оторвала полноги Ваньке Бапсу, незадачливому сироте, убежавшему в свое время из детдома в Цитадель.

Уже больше месяца, как по все стране, по приказу президента, арестовывали автономов-нелегалов и штурмовали городки “Нелегальной молодости”. И уже пару недель, как у Русского Гетто появились “французы” и турки, помогающие своим российским коллегам “в борьбе с терроризмом и экстремизмом”, дежуря по очереди на осаде Цитадели. Многие другие городки нелегалов уже были взяты, но Русское Гетто стояло непреступной скалой, и над Цитаделью всё ещё развивался стяг с Коловоротом.

Тактика полицейских частей везде применялась одинаковая – изолировать Цитадели от внешнего мира, перекрыть энерго-, газо-, водоснабжение, прервать продовольственную подпитку и периодически пытались штурмовать группами спецназа, но не применяя пока огнестрельного оружия. В подавляющем большинстве случаев, тактика давала положительные результаты для интернациональных войск противника. Но Русское Гетто было сравнительно хорошо вооружено и выгодно располагалось, да и приступили мы к активным действиям загодя – взорвали оба моста через Язу, тот, что в нашу сторону и в сторону Алтуфьевского шоссе (мост напротив Цитадели).

Сейчас, стоя в тени передних гаражей, покорёженных редкими осколками и наблюдая за частью пустынной дороги и оврагом, изредка озарявшимся вспышкой взрывов, я думал, зачем я здесь. Зачем я ввязался в эту войну? Зачем я стою с обрезом ружья в руках и ищу в ночных тенях силуэты полицейских? Я что собираюсь и в правду в них стрелять? За что? За “White power”? Или за пресловутую “Giovinezza”? А может бросить всё нафиг. И убежать к мамке, к сестре. Слишком неестественно для мальчишки моих лет воевать со спецназом и героически умирать...

– В сорок пятом, защищая Берлин, погибали мальчишки и девчонки твоего возраста, – прозвучало у меня за спиной так неожиданно, что я аж подпрыгнул, а сердце забилось в груди, как загнанная в сеть птица.

– Ух... Ну и напугали вы меня, Владыка! – пробормотал я человеку со спокойным пронзительным взглядом, облачённому в чёрную с красной окантовкой рясу, и подошёл под благословение. Это и был тот самый старец, который возглавлял наш Суд Расовой Совести. Как я узнал впоследствии, это был катакомбный епископ (“священник Белой расы”) и духовный вождь не только нашей Цитадели, но и многих других.

– Вы чего и мысли умеете читать?

– Ты о чем? – будто не понял меня Владыка, но под моим насупленным взглядом сдался и, махнув рукой, ответил: – Да ладно тебе, Слава, чего ж тут читать? На твоей физиономии всё и так написано. Вон, до сих пор, губа кровоточит, прикусил. Да и глаза влажные.

Я потупил взор. Как-то стыдно слабость показывать, ведь я вроде как хантер. А тут сам Владыка предо мной. Я решил “взять реванш”.

– А где ребята? – нашел я в себе силы продолжить разговор. – И что вы здесь делаете? Тут может быть опасно.

– Ты считаешь? – задумчиво ответил Владыка, – не думаю. А твоих друзей вызвал к себе ваш командир Зверобой. Вот я и решил немного поддержать тебя, ты же временно один, а одному всегда тяжелей, чем вместе. Ты согласен?

– Угу, – “и почему я чувствую себя рядом с этим человеком, как несмышлёный младенец. Я же уже взрослый”.

Мы молчали, вглядываясь в ночные тени. Что-то было все-таки во Владыке успокаивающее, неземное, незримое, отчего хотелось просто слушать, просто жить и бороться за эту жизнь. Канонада “французов” уже закончилась, воцарилась сравнительная тишина, а я к чему-то подумал, что завтра будут наши полицаи и это хорошо: когда осаду держали русские, нет-нет, какая еда да пробиралась через кордоны к нам.

– Знаешь, Слава-хантер, – печально и тихо произнес старец, – умереть действительно страшно... особенно в твоём возрасте, но не мы выбираем когда умереть...

Он пристально посмотрел в мои глаза и так же тихо добавил:

– Но случаются чудеса... редко и только если верить. Но они случаются. И тогда нет места смерти, есть лишь вера, воля, и чудо, как конечный результат твоей веры и воли.

– Как это, Владыко, нет смерти?

– Твой разум, Слава-хантер, открыт лишь на пять процентов. Эти пять процентов – то, во что ты веришь. Если ты поверишь в большее, то и твой разум откроется для большего. Если ты поверишь, что смерти нет, твой разум откроется на все сто. Это и есть чудо.

– Но как?! Как поверить? Просто захотеть?

– Понимаешь, никто этого не знает. Только не забывай одно: есть высшая сущность, мы называем Её Богом, есть твоя вера и воля, и есть чудо. Верь, Вячеслав, верь в Него и верь в себя. И запомни: эта Священная Война начата не нами, а Богом. Мы – лишь бойцы в Его войске, тотальном войске христиан.

– Почему вы начали со мной этот разговор? – очень серьезно спросил я, глядя старцу в глаза.

– Я не вижу твоей смерти, – ответил он.

– А вы видите, когда человек погибнет?

– Чувствую. Вижу, к примеру, тьму, идущую за человеком, чувствую её...

– А у меня тогда что?

– А у тебя наоборот... Ну как бы сияние. А это предрасположенность к чудесам...

– Да?

– Да.

– Не обманываете?

Епископ улыбнулся.

– Доверься Богу и своим братьям по оружию, – сказал он и посмотрел мне в глаза.

– И значит, я в ближайшее время не умру? И никто из моих друзей тоже?..

Тут меня на полуслове перебило появление Шансона и Лёхи, которые тут же принялись здороваться с Владыкой, пытались даже расспросить его о чём-то, и лишь потом только они соизволили меня оповестить, что нас троих ждет мэр Русского Гетто, а нас сейчас подменяют.

Через минуту подошли заспанные мальчишки, наши сменщики: два хантера и два сталкера, недовольно бубнившие о том, что их раньше разбудили. Мы ушли в штаб. А я так и не понял, зачем мне знать, что умирать страшно, если умирать мне ещё в ближайшее время не придётся (каким же я был тогда глупцом)...

* * *

– Значит так, братцы, пойдём на дело все... кроме меня, разумеется, – с доброй улыбкой сказал Зверобой. По Хантер-клубу прошел беззлобный гул смешков. – Да-да, вот такой вот я “ацкий сотана”, что посылаю на смерть своих боевых товарищей-однополчан, а сам остаюсь дома, – улыбался командир “Медведей”.

И вновь поднялся одобрительный гул, но никто и в мыслях не посмел бы осуждать Зверобоя, все прекрасно понимали, что он нужен в Цитадели.

Вокруг столов сейчас восседали лишь знакомые лица: Шанс, Вырвидуб, Бычёк, Малыш, Хоббит и мы с Лёхой. А командир обходил пустой зал и объяснял нам задачу:

– В пяти минутах ходьбы от Цитадели, как вы все знаете, проходит железная дорога и располагается платформа “Дегунино”. По сообщениям автономов NS/WP, на станции в течении двух-трех часов будет находиться китайский военный контингент, но не это самое важное... Китайцы, будут принимать и охранять этапы заключенных, которых свозят на станцию Дегунино к ночи. Основная часть заключенных – спецэтап малолеток-нелегалов из западной Цитадели и двух восточных.

Мы дружно стали высказывать предложения и решимость к действиям, а Зверобой лишь заметил:

– Я знал, что вы воспримете это именно так, так что каждый берите по стволу. Кроме “калашей”, у нас их всего два... И выметайтесь из этого паба на white power-битву! – на мажорной ноте закончил командир и мэр Русского Гетто.

– Но как мы пройдем через кордоны? – поинтересовался Лёха.

– Хоббит покажет, – хитро прищурился наци-мэр.

Наш путь, как оказалось, лежал по подземному переходу-коллектору идущему от подвалов большой трансформаторной будки в центре Цитадели, в промзону (такую же трансформаторную будку) за Алтуфьевское шоссе в непосредственной близости от железной дороги. Этот ход, как и положено по закону жанра, был тайным, и о нём лишь знало несколько человек из Русского гетто, а теперь еще и мы.

На удивление большой тоннель пропах сыростью и плесенью. Наши шаги и голоса гулко отскакивали от стен и разлетались далеко вперед. А беспросветная темень отступала лишь в нешироких полосках света от наших фонарей.

– Так, зондер-команда, слухай сюда, – взял командование, по праву старшего, на себя Хоббит, как только мы спустились в коллектор. – С этого момента не разговаривать, не курить, жидов и комиссаров убивать только строго по приказу, женщин не насиловать, детям не потакать. Вопросы?

– Так у нас и так никто не курит, – буркнул Шансон.

– А вдруг начнете. Кто вас знает. Еще вопросы?

– Два, господин главнокомандующий, – козырнул Малыш.

– Молодец, боец! – засмеялся Хоббит, – задавай.

– Что стало с моим маленьким аллигатором, которого я выпустил пять лет назад в этот коллектор? И куда пропала ваша нога, сэр?

– Ха-ха. Не смешно. Я чуть не наложил в штаны, боец...

– Чёрт!

– Что, “чёрт”?

– Всего лишь “чуть”, сэр.

Вот так мило беседуя и перебрасываясь шуточками, мы прошли под Алтуфьевским шоссе (это было слышно), ещё раз кратко уточнили план, ближе к входу уже работая в абсолютной тишине, и выдвинулись из коллекторной будки на улицу.

Небольшой проход между высокими бетонными заборами к железной дороге, охраняли два тщедушных китайца, в форме цвета “хаки”, вооруженные АК-74. На плохо освещенной, широкой дороге они узрели внушительную фигуру хантера Вырвидуба, который размахистой походкой направлялся к ним. Постовые чуть подождали, пока силуэт неизвестного мужчины, выйдя на свет фонаря, приблизится к зоне их ответственности, а потом окрикнули его:

– Стой, гразданина, запретной зон!

– Эге-гей, мужички, – радостно закричал им Вырвидуб продолжая идти, не сбавляя темп, – да вы понашенски не шпрехаєте! А у меня тут машина заглохла, у вас тут, случайно, домкрат и автослесарь не завалялись?

– Ми плохо понимать по рузке, хорошо понимать по китайзке, – протявквал тот же, что и до этого, китаец. – Остановица! Не ходить! Охраняема!

– Да у тебя чё, аллергия на белых людей, чурка косоглазая? Чё мне подойти уже нельзя что ли, поинтересоваться, блин-вагин? – забалтывал инородцев, широко улыбаясь, хантер, приближаясь к ним так же быстро.

– Остановица! – горлопанил желтолицый часовой, перебирая в мозгу все известные ему русские слова. – Военное положение! Охрана военное положение! Мы охрана, помось... перестройка, договор Чина-Раша, помось... матрёски, э-э-э... водка!..

Второй солдат, переводил недоуменный взгляд с Вырвидуба на своего товарища и обратно. Он явно не понимал ни слова из того, что выкрикивает он хантеру, и лишь по напряженному тону напарника и движению его руки за автоматом, тот понял, что здесь что-то не ладно, и это не проверка постов российской полицией, и потянулся за оружием. Но... было уже поздно.

Последние, пару шагов Вырвидуб буквально пробежал. И объясняя, что-то типа: “Ну, вы же олдовые ребятишки, зачем вам пистолетики?”, прыгнул на представителей Народно-освободительной армии Китая. Только сейчас несчастные пожиратели риса заметили гигантский ножик в руках у русича, который он до этого прятал за предплечьем своей руки.

Первый удар хантер нанес еще в прыжке – лезвием по глазам ближайшего солдата. Так, что последним, что увидел жёлтый оккупант, была татуировка на пальцах “s.k.i.n.” и полоска металлического цвета, как молния, выходящая из пальцев кулака. Вырвидуб не прекращая движения, вернул нож на себя и уколом в шею пронзил Китайца, одновременно отталкивая свободной рукой его, уже, практически, труп, как будто снимая мясо, нанизанное на шампур. Тут же, не давая второму солдату опомниться, хантер прихватил его правую руку, судорожно пытающуюся снять автомат с предохранителя и, поменяв мгновенно хват ножа, всадил клинок в китайское сердце по самую рукоятку. Ещё пару быстрых ударов “на всякий случай”, и вот уже огромный хантер стоит над бездыханными трупами двух солдат НОАК, так же как стоял совсем недавно над трупами кавказских бандитов.

– Мэйд ин Чина, блин, – сплюнул Вырвидуб, – да упокоит Господь их недочеловеческие души.

Мы уже повыскакивали из кустов и подбирали “калаши”, когда Хоббит скомандовал:

– Вперед. Действуем согласно плану, но и реагируем на обстановку. С Богом!

К платформе один за другим подъезжали большие грузовики “автозэки”, выгружали по полсотни ободранных и голодных мальчишек и уезжали обратно. Этот живой груз из русских детей китайские военные прикладами загоняли в столыпинские вагоны. Кое-где слышен плач и причитания, но у основной массы

нелегалов на лицах читалась угрюмая злоба и решимость к действию, поэтому офицер НОАК, контролирующий погрузку постоянно ругался на мальчишек для острастки:

– Рузки сабака, иди быстрее! Шевелись, сцука!

– Узкоглазая бядина! – выкрикнул парнишка лет шестнадцати и бросился на офицера. Но тут же получил от него удар рукоятью пистолета в висок. Упавшего мальчишку с окровавленной головой добивали сапогами солдаты. А офицер уже визжал во всё горло, обращаясь к остальным:

– Сопrotивления бесполезна! Ваша правительства принять решения о этническая замена населения! Мы будем здесь селица и защищать своя гразданина! Рузка Раша уже не существовать! Ваша борьба не иметь смысла! Ваша правительства сама так решат!

Откуда-то сбоку на платформе оказались Малыш и Вырвидуб и в-наглуую протиснулись через кордон недоуменных солдат к арестантам.

Тут на офицера вновь прыгнул один из мальчишек, только ещё младше, лет двенадцати от роду, и опять китаец был “на высоте”, встретив бегущего парнишку прямым ударом ноги в грудь, настолько сильно, что было слышно, как хрустнула грудная клетка; тот упал и затих...

– Каратэ, – надменно пояснил молодой офицер, отряхивая руки, словно от пыли. – Майя-гири! Учитесь сцуки!

В эти секунды вперед к офицеру пропихивались наши хантеры, игнорируя удары прикладами автоматов, которыми их пытались, запихнуть в ближайший “столыпин”. На платформе толпились сотни мальчишек и им это на руку.

– “Восемь-восемь” наш пароль, – обратился Малыш к крепкому парню в наци-татуировках.

Тот оценивающе взглянул на фигуры Малыша и Вырвидуба, и принял правильное решение.

– Я как пионер, “всегда готов!”. Тут ещё со мною белый брат, – он кивнул на своего соседа чуть помладше, но, так же как и он, синего от татух. Малыш достал из-под грязной и ободранной куртки без палева и лишнего шума два пистолета и передал их ребятам со словами:

– Начинайте только вместе с нами. Рубите гуков слева от офицера и выводите всех пленных по возможности.

– Ух ты! – выдохнул парень, глядя на волыну, – зыковски! А вы откуда, пацаны?

– Русская Освободительная Народная Армия. Цитадель “Русское гетто”, – торжественно представился Малыш и добавил: – Готовьтесь, мы пошли.

Продвинувшись уже почти до офицера – их разделяла лишь шеренга китайских солдат – Вырвидуб вдруг заголосил чужим голосом:

– Госпадина офицера! Парле франце? Хиросима-Нагасаки, сука-сан твою тефтелю! Я есть китайский гразданин!

– Чего орёт этот сумасшедший русский? – спросил офицер у подчиненных на родном языке. – Пропустите его поближе.

Это было его непростительной ошибкой. Никто и не подумал, что у молодого парня могут быть такие длинные руки. И когда ссутулившейся хантер сделал пару шагов к офицеру, а потом, резко выпрямившись, прыгнул вперед и дотянулся до него чем-то блестящим и тяжелым на вид через головы его подчиненных. Китайцы ещё какое-то время не могли понять, что происходит и отстраненно взирали на оседающего с проломленной головой своего командира, удерживая и оттаскивая одновременно огромного русича.

– Рашин безпредел, – объяснил трупу офицера Вырвидуб, как бы ответствуя ему на его “каратэ”. – Гаечный ключ! Учись мудар!

В этот ответственный момент мы с Лёшкой вынырнули у края платформы и открыли стрельбу в два ствола по стоящему последним солдату. Нервно переводя огонь на следующего врага, я лишь молил Бога о том, чтобы оккупанты отвлеклись на центральное направление, где Малыш и Вырвидуб уже всю палили по солдатам, как-то не очень хотелось получить очередь из “калаша” в грудь. Но, китайцы, оказавшись без командира, ступевались и до конца не понимали, что происходит. За первые секунды нападения, они лишились офицера и трёх солдат с ним в центре, двоих у нас с Лёхой на фланге, и двоих по местам завалили зэки-малолетки, ринувшиеся сплошным потоком на шеренги китайского конвоя, кое-где прорывая их и уходя в лес промзоны. На платформе царил хаос и неразбериха. И только мы семеро (плюс двое незнакомых бритых, завербованных Малышом), продолжали методично отстреливать китайцев.

А вокруг разгорался сущий ад... Вот, стоящего в ступоре мальчика лет шести, который от неожиданных событий, разыгравшихся вокруг, просто тупо засунул большой палец своей ручки в рот и смотрит на все это широко открытыми глазами, подхватил русский мужичек – конвойный с поезда, явно с добрыми намерениями спасти и тело и психику, неизвестно как оказавшегося на этапе, мальчишки. Но тот, вдруг очнувшись от своего

анабиоза, царапает лицо русскому конвойному с криками: “куда меня тащишь, мусор афашный! Отпусти, жиждолиз!”.

Вот, Лёшку схватил за штанину полуживой китайский солдат, пол-лица которого снесло до этого пулей, и Лёха орал от неожиданности и страха, паля почем зря себе под ноги, пытаюсь добить врага. А вот на Вырвидуба набросились три китайца сразу, пытаюсь разоружить. Но, даже, то, что пистолет выпал из его руки, нисколько не замедлило его действий, одному узкоглазому он вцепился зубами в лицо, а потом ударил лбом, другому, повисшему на правой его руке, оторвал зубами ухо и легко стряхнул его после этого на землю. А третьему, схватив его обеими руками, с победным воплем: “Terror machine!”, сломал шею и позвоночник.

Но вот произошла неожиданная развязка. Мальчишки-арестанты, вместо того, чтобы скрыться в дебрях промзоны, схватили камни, оружие поверженных солдат, ремни, палки и учинили жестокую расправу над своими бывшими конвоирами, нападая на них подавляющим численным большинством. Вскоре платформа “Дегунино” была полностью очищена от оккупационных войск противника.

– Камрады, родичи, – заорал Хоббит, спрыгивая с платформы на землю, – по-быстрому тикайте отсюда, в поезде ещё полицаи остались! Скоро и отход перекроют!

И, действительно, то там, то тут из поезда слышались команды, угрозы и выстрелы в воздух, но, даже несмотря на то, что арестанты бежали из вагонов нескончаемым потоком, огонь по нелегалам российский конвой открывать не спешил.

– Правду сказал Зверобой, не подвёл, – на бегу заметил Лёха, – договорился, с кем следует из конвойного поезда.

– Угу, – согласился я, – наши везде есть, даже среди ментов.

– Нет, вы видели, видели! – к нам подбежал сияющий от счастья Шансон, – каратели из поезда даже не вышли! Наблюдали, как наша толпа китаёз сминает.

Мы бежали в общей массе ребят, уже все всемером, но из-за этого возможности уйти тайным подземным ходом у нас не было, потому как из той сотни бывших эзков, которые рванули с нами к дороге в Отрадное, вполне мог затиснуться агент полиции. Но тут на помощь нам пришло само Проведение.

– Машина... По кустам! Грузовик! – на встречу нам нёсся на всех парах Бычёк, отряженный до этого глубоко вперед на разведку.

– Шухер! Ныкайся, братва! – продублировал Хоббит.

Большинство нелегалов успело уйти с освещённой дороги, когда из-за угла показался огромный силуэт грузовой фуры. Вырвидуб уже успел к этому моменту подобрать с земли одиноко валяющуюся военную фуражку “made in China” и вместе с Хоббитом и Малышом в-наглу, шёл с оружием, посреди дороги навстречу грузовику.

Выпустив пар, фура затормозила, не доезжая до хантеров двадцати метров. Из высокой кабины вытянулся улыбчивый водила и окрикнул парней:

– Здрасьте, нафиг. Братцы, вы не знаете где тут железная дорога и станция “Дегунино”?

– Ты почти приехал, – заверил Хоббит, приближаясь к машине, – мы как раз её охраняем. Что везешь?

– Продукты, земля, – затарахтел ничего не подозревающий водитель фуры. – Сух-пай, консервы, и тэ дэ. А так же биотуалеты для военных... для вас, похоже.

– Ну, – согласился Хоббит. – Для нас, биотуалеты, ага... Слушай, земля, тут близко до станции, давай мы с тобой проедем – дорогу покажем.

– Только ты сначала, показывай сначала, что внутри везешь, – вмешался в разговор Вырвидуб, – а то вдруг у тебя там полна фура скинхедов-фашистов? Ездют тут всякие порождения тьмы.

Последняя фраза несколько смутила водилу, но задержав свой взгляд на автоматах в руках ребят, он, широко улыбаясь и непринужденно шутя, отправился показывать кузов.

Машина действительно под завязку оказалась забита продовольствием: консервами, сухофруктами, армейским сух-пайком, сахаром, хлебом, сыром, колбасой, чаем и пшеном. Тут же ютились с десяток пластмассовых сортиров (которые, впрочем, не привлекли такого внимания, как съедобное содержимое грузовика).

– Братцы, если мы прорвемся с этой колымагой в Гетто, – присвистнул Хоббит, – то Зверобой нам тут же по Железному Кресту повесит...

Водитель фуры заметно напрягся, но благоразумно решил воздержаться от комментариев.

– Да-а, ребята уже дня три ничего не ели. А тут такой подгон, – поцокал языком Вырвидуб. Потом посмотрел на водилу и, вздернув подбородок кверху, с фанатичным блеском в глазах пророкотал:

– А прорваться – прорвемся! Это ко тьме множество путей, но свет всегда распространяется напрямик!

Хоббит по-разбойничьи свистнул, громко с оттягом, и прокричал: – По маши-и-инам!

Тут же, из-за кустов и закоулков, к фуру устремилась орава мальчишек и парней, запрыгивающих в кузов и кабину грузовика. Собственно, в кабину из этой шоблы, полезли только я с Лёшкой, и то нам пришлось активно поработать для этого локтями, захватывая пространство кабины, проигнорировав возмущенные крики Вырвидуба:

– Куда вы прёте, малолетки?! А ну кышь отсюда!

...Водитель фуры находился в легком ступоре, его только что перенесли в кабину машины заботливые руки хантеров. Когда же он неверными, трясущимися руками попробовал достать из пачки сигарету, закурить и успокоится, самый здоровый хантер вырвал её со словами: “кто курит табак, тот Русскому – враг!”. А теперь, этот же хантер, гаркнул в самое ухо: “Поехали!”. И вдарил так по многострадальной водительской спине, что он, в данный момент, не мог ни видеть, ни слышать, ни дышать, ни тем более, куда-то ехать.

– Ну, приходи в себя, дружище, – виновато, словно отряхивая пылинки, постукивал по плечу водилы Вырвидуб.

– Ну, поехали, папаша! – недовольно кричали мы с Лёхой.

– Вперёд, рвем когти отсюда! – призывал Хоббит.

– Крепче за шофёрку держись брата-а-ан, – пропел Малыш, добавив своё – хе-хе.

– Ну, дружище, ну очнись же, ехать пора – причитал Вырвидуб – ну, давай-давай, поехали...

И мы поехали! Вырвидуб явно обрадовался этому и выдохнул с заметным облегчением, видимо, справедливо опасаясь, что именно его, случись чего, товарищи обвинят в поломке нежной психики-физики водителя фуры...

Но не успели мы проехать под мостом (Алтуфьевским шоссе), как слева от нас появилась полицейская машина с включенными сиреной и мигалкой. Через пару секунд с другой стороны показалась такая же, голос, усиленный в десятки раз динамиками, прогавкал:

– Грузовик “Scania”... Гос. номер: эй, си, эй, би, восемь-восемь, четырнадцать, восемь-три! Принять к правой обочине!

Наш водитель с надеждой посмотрел на Вырвидуба.

– На хер его пошли, – посоветовал тот.

Водила оживился, заулыбался и, опустив форточку со своей стороны, помахал подъехавшей вплотную мусоровозке. Полицаи приблизились ещё ближе и опустили своё боковое стекло.

– Соси х...й, козёл! – прокричал им наш водила, высунувшись из кабины почти по пояс, а когда залез обратно, с довольной рожей пояснил: – Вся жизнь мечтал об этом.

– “Мечты сбываются. Газпром”, – продекламировал Малыш.

– Реклама, – отмахнулся водила.

– Нет. Надпись на воротах нацистского концлагеря, хе-хе.

А полицейский громкоговоритель в это время продолжал вещать:

– К обочине, суки, или мы открываем огонь! Фашистские мрази! А ну стоять, уроды!

Но наша добротная шведская фура и не думала останавливаться, с каждой секундой набирая скорость. Эта скала из железа, дыма и огня, сейчас издавала грохот, гудки, и рев Вырвидуба из кабины:

– Наш паровоз вперёд летит! В фашизме остановка! Другого не у нас пути, в руках у нас винтовка!

– Эй, пиплы, а вы кто? – вдруг неожиданно сверху на нас вдруг уставилось лицо заспанного человека, с косичками дредов на голове.

В кабине воцарилась гробовая тишина.

– Что это было? – почти шёпотом спросил Хоббит у водилы.

– Дык это Растаманыч, сменщик мой, он дрых на втором ярусе, а я будить его не хотел, чё зря парню нервничать, ага.

– Ага, – протянули мы хором. Я только сейчас понял, что надомной есть замаскированный лежак, из люка которого и высунулась харя с дредами. А ещё, мы все это время были в большой опасности. Вдруг бы у парня с афро-косицами оказалось ружьё и немного смелости?.. Братцы, совет вам от юного террориста, когда захватываете грузовые фуры или угоняете самолеты, обязательно обыскивайте их на предмет обнаружения еды, оружия, наркотиков и толпы нелегальных иммигрантов из Китая...

А водила, тем временем, обращаясь уже к дредам, деловито добавил:

– Нас тут, Петя, вроде как захватили в заложники и угнали... ну типа того.

“Не выпавшееся лицо в дрэдах” осмотрелось, глянуло в окно на полицейские мигалки и погоню, и восхищенно пробормотало:

– Вот ведь, мазафака штопаная!

– Заткнись, чебурашка! – молодец, Лёха, лучшая оборона – это нападение.

– Йоу, школьник, а ты чё здесь забыл? – ещё больше свесился вниз Петя-Растаманыч.

Лешка одним движением захватил косицы оппонента и дернул его вниз так, что он беспомощно повис зажатый в люке, с прижатым к телу руками. Второй рукой Лешка, уже достал свой нож и успел поставить его к горлу Растаманыча:

– Я не школьник, панк! Я сталкер-скинхед, защитник народа, расы и белой цивилизации, гроза всех врагов рода человеческого, страшный сон ментов и оккупантов! Ты понял меня, панк? И не дай тебе Бог, нам сейчас помешать.

– О’кеюшки, у тебя нож, ты и командир. Школьники с ножами не ходят – ты не школьник. Только не кипишуй, мэнь, Растаманыч против насилия.

– Зато мы исключительно за насилие, – зло оскалился Вырвидуб.

– Около-футбольное, межнациональное, ультраправое, ультранасилие, – стал перечислять, загибая пальцы, Малыш, но его перебил истошный крик хипаря: – Йоу, пиплы, но Растаманыч же против насилия!

– Растаманыч может и потерпеть, – спокойно пояснил Хоббит. А Лёшка победно вскинул голову, хмыкнув на Петю в дредах. Мужает у меня напарничек, матё-ё-рый совсем стал...

– Тихо вы, – вдруг одёрнул всех водила. – Всё, кердык, приехали. Ежи впереди.

– Чё за “ежи”? – вытянул шею Лёха, пытаясь разглядеть дорогу через могучую спину Вырвидуба.

– Чё-чё... через плечо, – зло сплюнул наш водитель в окно, чем вызвал бурную и продолжительную матерную брань у полицейского, в которого попал плевком. – Противотанковые ежи, бя...

Тут увидел их и я. Трудно вообще-то было их не заметить: одна полицейская машина стояла боком поперек дороги, с другой торчала какая-то конструкция из прожекторов и громкоговорителей. Перед машинами нерушимой преградой зиждились три “ежа” почти с человеческий рост: профили железа, стали и прочего титана, спаянные типа буквой “Ж”.

– Ух ты, мазафака штопаная, – выругался Растаманыч.

– Жми на полную, – заключил Хоббит, – и обходи заслон слева по тротуару.

Водила, посмотрел на хантера, как на сумасшедшего, скрипнул зубами и... вдавил педаль газа в пол.

Мусорской кордон был прямо перед нами, где-то в километре по прямой и чистой асфальтированной дороге. И мы, разумеется, быстро набирали скорость. (Блин, так не хочется умирать чего-то. Страшно мне было, да! Я ведь же ребёнок еще... Не “жеребёнок”, а ребёнок, прошу не путать. А ещё я девственник... ну, не то, что как баба, а мальчик в смысле... ну вы поняли, короче. И ваще, хватит тут улыбаться...).

Итак, мы подъезжали с умопомрачительной скоростью к полицейским машинам, оцетинившимся железными “ежами”, бетонными блоками и стволами штурмовых винтовок. И тут, резко стали смещаться влево. Кабина подскочила на бордюре, отделявшем проезжую часть от тротуара. Полицейские разбегались в разные стороны, от нашей безумной машины, а некоторые из них открыли по нам огонь. Вокруг гремели выстрелы, ревел мусорской мегафон и наши нелегалы в кузове (мне даже показалось, что я услышал возглас: “не дрова везёшь!”), камеры передних колёс издали звук оглушительного хлопка, что-то заскрежетало и забарабанило. Мы подпрыгнули еще раз, теперь уже набив себе шишки об окружающие неодушевленные предметы.

– Кровь Христова! – взревел Вырвидуб.

– Молот Тора! – поддержал Малыш.

– О-о, задница большого Маврикия! – заверещал Растаманыч.

– А-а-а! – безыскусно, зато от души, голосили мы с Лёхой.

Наша “Scania” подмяла под себя кусты и маленькое деревце, проехала по сверкающей ленте противоклёсных шипов, и, скрежеща и пуская искры, вырулила... обратно на дорогу. На чистую дорогу к Русскому Гетто.

Через десять минут мы уже медленно и не спеша пробирались по маленьким улочкам меж гаражей, бетонных блоков и баррикад нашего городка. Дорога эта давалась большой и неповоротливой фуры с трудом, зато, когда мы подъехали к площади, нас уже встречало всё Гетто.

Какова же была всеобщая радость, когда из кузова нашей машины вывалила, почти что сотня новых и старых соратников по оружию. Радость стала ещё более всеобщей, я бы даже сказал, всеобъемлющей, когда в кузове обнаружили тонны продовольственного запаса. В связи со спасением братьев-узников и прорывом голодной блокады, в Цитадели “Русское Гетто” был объявлен всенародный праздник.

Оба шофёра фуры, Вова Водила и Петя Растаманыч, жались друг к другу и смотрели на всё происходящее дикими глазами.

Вырвидуб тут же врубил на всю громкость радио в кабине машины (Русское Гетто было, фактически, обезточено, и даже эта маленькая радость пришлась по душе ребятам), вокруг фуры собралась значительная толпа.

Лёха уже кому-то возбуждённо рассказывал, как мы стреляли, а потом и в нас. Вырвидуб выдул разом две банки пиваса, схватил третью и повеселевший, взобравшись на капот фуры, принялся вещать, как с трибуны:

– И вот, значит, несёмся мы на заслон, скорость все сто кэмэ – не меньше! А акабы по нам шмаляют со всех орудий. Ну а я окошко, вайт па, приоткрыл и как принялся пулять по ним из своего “Смит-Вессона”...

– Да у тебя и не было-то никогда такой плётки, – засмеялся кто-то в толпе.

– А вот и была, – нисколько не смутился здоровяк, – и я там этих мусоров завалил два вагона и маленькую тележку!

Толпа вновь разразилась беззлобным хохотом...

* * *

– Славка, можно с тобой поговорить... Только... наедине.

Я уставился на Бычка, который-то и обратился ко мне с этими словами. Ба!.. Бычок захотел *поговорить!* Где-то большо-о-о-й медведь сдох... Ну что ж, поговорим.

– Слышь, Славка, – начал Бычок, когда мы отошли, – а чего там Вырвидуб вещает, что вы по кордону возле Цитадели стреляли? Чешет или правда?

– Чешет.

– А-а... – заметно расслабился парень.

– А с какой целью интересуешься?

– Да так, – замялся он, – просто...

– Слушай, Бычок, – сказал я, глядя ему прямо в глаза, – давай колись, чего спрашивал. А то мне придётся рассказать об этом старшим. Ты думаешь, я дурак? Ты отвёл меня от лишних ушей, раз. Выбрал меня, как самого новенького, в расчёте, что я ничего не заподозрю, два. Задаёшь вопрос, в котором видно волнение за карателей в оцеплении Цитадели, три. В чём дело, Бычок?

Он стоял, набычившись (простите за тупой каламбур), и учащённо дышал, то сжимая, то разжимая кулаки. И когда мне уже показалось, что он вот-вот меня ударит, Игорёк по погонялу Бычок вдруг как-то поник и, присев прямо на грязный асфальт, признался, глядя себе на руки:

– Батя у меня мусор... нет, он не мусор, он – полицейский. Все мусора, один он – полицейский. Честный, добрый, мужественный. Боевой офицер. Как всё началось, сюда на кордон перевёлся. Меня мол, чтоб выкрасть... Целый полковник, между прочим.

Эту тираду-признание я выслушал с открытым ртом: ладно ещё отец – коп (это-то понятно), так ещё неразговорчивый и нелюдимый Бычок выдаёт такой речитатив, причём с нотками гордости и любви к отцу.

– Круто, – только и смог я выдать из себя.

– А ребята многие в курсе, тот же Зверобой. Отец приезжал сюда как-то, я только ушёл из дома тогда, пытался меня забрать. Но я решил быть здесь до конца, тут мой дом и я достаточно самостоятельный, чтобы...

Но тут, на моё счастье, появился сияющий Лёха, который сообщил:

– Идёмте скорее, там о нашей акции по радио кричат.

Мы побежали к фуру, а Бычок только шепнул мне:

– Только ты не распространяйся очень, засмеют меня – “об отце-копе переживает”... Я потому-то тебя и отвёл, что ты семейных дел моих не знаешь.

А в это время на площади царило веселье. Толпа заряжала кричалки, ребята жгли фаера, обнимались. Из-за криков “Ура!” не было слышно включенного на всю катушку радиоприёмника. Но тут над площадью пронёсся голос Вырвидуба:

– Тише, тише, ещё новости поймал, на другой волне...

Я прислушался.

– «Жестокое нападение... китайский миротворческий контингент...», – вещало радио, – «...отбили своих товарищей... более трёхсот особо-опасных преступников-экстремистов оказались на свободе... основная их часть добралась до территорий, неконтролируемых властями и полицией на северо-востоке нашей столицы... фашистский анклав Русское Гетто...».

Снова раздались возгласы «Ура! Ура!», и вновь Вырвидубу пришлось призвать к тишине.

– ...Прорвали оцепление миротворческого контингента и полиции на угнанном грузовике... захватили в заложники двух водителей и похитили несколько тонн продовольствия для воинских нужд... Внимание!.. Мы прерываем нашу программу для экстренного сообщения. Пожизненный президент Дорогин обратился к народу по поводу последних событий в Москве. «Дорогие соотечественники! Последние вопиющие преступления, совершённые фашиствующими экстремистами на северо-востоке столицы, обязывают нас покончить с этой грязью в нашем обществе. Только что мной подписан указ силовым ведомствам о штурме и окончательной ликвидации неконтролируемых правительством территорий в столице нашей Родины – городе-герое Москве. С болью в

сердце мы признаём, что подавляющее большинство мятежников – это молодые люди и подростки 14-20 лет, но тем не менее, специальным постановлением правительства, спецподразделениям МВД и ФСБ, осуществляющим контртеррористическую операцию, разрешено применение боевого огнестрельного оружия...».

На площади повисла гробовая тишина...

* * *

Обстановка накалялась с каждым новым днём. Над Бастионом нашей революции и символом белой молодости сгущались тучи безысходности и предстоящей бури – штурм нашего городка правительственными войсками. В редкие моменты радиовещания на Русское Гетто “NS/WP штаба” и “Правого радио”, мы узнавали много нового. К примеру, что из городков “Нелегальной молодости” *остались лишь мы* и нас уже повсеместно называют не “цитадель северо-востока” или “Русское гетто”, а просто – “Цитадель”. Также сообщалось, что на Манежной площади были показательно расстреляны десять нелегалов: девять мальчишек от 12 до 19 лет и одна девчонка 16-ти лет. Все они были объявлены фашистами, террористами и врагами российского народа. Все мы знали, что президент Дорогин отдал приказ о штурме “безжалостном и беспощадном последней цитадели ненависти и экстремизма”; но от этого знания нам почему-то не становилось легче на душе.

Наступило тягостное серое затишье. Затишье перед бурей.

* * *

НОЧЬ ПЕРЕД ШТУРМОМ

Около костра на площади.

– Растаманыч, расскажи о своем кумире. Как его... эта Воб Шмали, да?

– Боб Марли, – вежливо поправил парня хипарь, и, оглядев заинтересованные лица грязных, осунувшихся мальчишек, начал свой рассказ: Боб Марли, школьники, был великим музыкантом южной и жаркой Ямайки. Он пел о свободе и любви, о черных предках и жгучих травах, о нирване и кайфе...

– Так чё значит, – безцеремонно прервал его мальчишка с синяком под глазом, лет 13-ти на вид, – Боб Марли этот, получается, мертвый нигер-наркоман?

Растоманыч задумчиво посмотрел на костер, передернул плечами от ночного холода и заметил:

– Ну, у каждого свои недостатки, правда?

Подвал. Жилище Вырвидуба.

Звонит телефон. Хантер нажимает кнопку ответа на вызов:

– Але, блин!

– Вырвидуб, – раздаётся в трубке кокетливый голос Скинкэт, – тебе, наверное, одному не спится?

– Почему это? – недоуменно посмотрел он на телефон. – Спиться я могу и один.

И хантер осушил очередной стакан самогона залпом.

Пост у последних гаражей около Оврага.

– Холодно чего-то. И костёр не разведешь – каратели увидят...

Сказавший это мальчишка, зябко передернул плечами и зло продолжил:

– Все у нас богатые отняли – дома, родителей, детство... а сейчас и свободу хотят отнять!

Другой парень, чуть старше первого, отпраздновавший недавно в Гетто свой пятнадцатый день рождения, задумчиво произнес:

– Тихо что-то... Холодно, ты прав, Ультрас. Странная ночь.

Тут к мальчишкам вышел старый епископ:

– Всемогущий Боже! – воскликнул он, посмотрев на ребят, освещая их фонариком, – таких молодых и в самый край поставили. Держите свитера и горячую еду, а я дальше по постам... И чтоб не пили здесь. Хорошо?

– Мы не пьём, Владыко, – с гордостью отвечивал тот, что постарше, – стрэйт эйджи мы, пойзон фри!

– Вот и молодцы, – одобрил старец, – и ешьте, ешьте пока тёплое. Свитера одевайте... Нехорошая нынче ночь. Холодно как-то... Будьте на чеку, ребятки.

И старый епископ ушел в ночь.

Комната Зверобоя.

На кровати под одеялом лежат Зверобой и Катя Фиорентина. Слышно их ровное дыхание, они не двигаются, но и не спят. Он обнимает её одной рукой глядя в потолок. Катя прижалась к его груди и смотрит в лицо своего мужчины.

– Мне страшно, Володь.

– Всё будет хорошо.

– Ты всегда это говоришь.

– Я тебя когда-нибудь обманывал?

В молчании проходит ещё минута.

– Штурм может начаться и завтра, и послезавтра, – словно оправдываясь, произнес он.

– Но штурм обязательно произойдет когда-нибудь!

– Да. И это мой бой.

– Но... мы можем уйти.

– Ты хотела сказать “сбежать”?

– Как хочешь так и назови, но мы можем спастись.

Зверобой повернулся к девушке и, глядя в глаза, прошептал:

– Катя, солнышко, я не могу бросить Цитадель. Здесь моё место, я здесь нужен, здесь мои друзья. Я командую этими людьми и эти люди доверяют мне, доверяют, понимаешь...

– А меня, значит, ты можешь бросить?!

Зверобой недоуменно посмотрел на нее.

– В общем так, Володь, – вскочила Катя и принялась нервно одеваться, – я уйду. Ты со мной или со своей придуманной войной?

Зверобой молчал. Она оделась, повернулась, чтобы выйти, но на пороге приостановилась, и, не глядя назад, добавила:

– Я больше не вернусь, Володь. Мне страшно... Я хочу обычной жизни, а не такой собачей как у вас.

За девушкой громко хлопнула дверь.

Телефонный разговор.

– Ну и как тебя тут называют, сынок?

– Бычок, папа.

– Тьфу, ты. Это ж надо, дожил, блин... В общем, слушай, Игорек, я уже с нашими обо всём договорился: выйдешь из вашего анклава на север, ближе к Лесной улице, там сегодня дежурят мои бойцы...

– Папа!?

– Ну что, что?

– Я не уйду из Цитадели.

– Что?!!

– Я не уйду из Цитадели, папа. Тут мои друзья. Здесь моя революция и моя свобода.

– Сын, ты не понимаешь на каком высоком уровне я решал твою судьбу, чего мне это стоило и какие боссы в курсе твоей проблемы...

– Я не уйду из Цитадели и не предам своих друзей.

– Сын, я уважаю твое решение и твои принципы, но пришёл приказ о штурме и даже ликвидации тех, кто окажет ожесточенное сопротивление.

– Я не уйду из Цитадели, отец. Всё. Конец связи.

Гараж Лёхи.

Славка и Лёха валяются в разных углах на кроватях почти в полной темноте.

– Славка?

– А?

– Тебе страшно?

– Немного.

– А мне жуть как страшно. Может, не будем спать этой ночью?

– Не-е, надо выспаться. Штурм, скорее всего, будет рано утром или завтра ночью. Так что надо хотя бы пару часов поспать.

Пол минуты друзья молчали. Первый нарушил тишину вновь Лёха:

– У них, блин, автоматы, пулеметы, бронжилеты, бэтээры, а у нас вообще ничего. Только Киллер-пёс и Вырвидуб-дурак.

– Он не дурак, он контуженный.
– Ну я и говорю, контуженный... на всю голову.
В гараже опять воцарилась тишина.
– Слушай, Славка?
– Чего?
– Да так... ничего... Спокойной ночи.
– Спокойной ночи, Лёх.

* * *

Первым обнаружил вторжение, как ни странно, Вырвидуб...

Не знаю как другие, но мы с Лёхой безсовестно дрыхли в этот момент у себя в гараже.

Вырвидуб как раз вышел на свежий воздух по малой нужде. Он был достаточно пьян для того, чтобы оказаться на улице в одних семейных трусах, но и достаточно трезв, для того, чтобы передвигаться вполне уверенно и заметить силуэты трёх человек быстро перемещавшихся вдоль стены. Здоровяк сделал шаг навстречу фигурам. И тут же оказался лицом к лицу с людьми, одетыми во все черное: черные военные костюмы, черные маски, черные ботинки, автоматы и штурмовые перчатки. Спецназовцы не ожидали такой встречи, передвигаясь безшумно и стараясь не привлекать к себе внимания, теперь застыли как столбы. А вот Вырвидуб вдруг громогласно захохотал:

– Мха-ха-ха! Негры! Я же говорил, а мне никто не верил! Негры! – и с этим радостными криками, он накинулся на бедных спецназовцев, которые, к слову сказать, не были никакими неграми (но кто в темноте их разберет).

Спецы сориентировались мигом: один сделал шаг назад и что-то яростно зашептал в микрофон на шлеме, двое других шагнули к хантеру. Причём, из-за близкой дистанции, они опустили автоматы, что и стало их смертельной ошибкой.

Вырвидуб сшиб первого “негра” и уже принялся за второго, когда отошедший, третий боец, только обдуплился, и начал поднимать ствол своей безшумной штурмовой винтовки. И быть бы Вырвидубу мёртвым Вырвидубом (он и забыл о третьем “негре”, деловито и с чувством затапывая первых двух), но вдруг, у готового выстрелить спеца, широко открылся рот, а брови полезли на лоб – за хантером возникла совершенно голая девица, из одежды на которой были лишь ботинки “Grinders”. Полицейский таранился на Скинкэт (а это была именно она) в полном ступоре даже тогда, когда она подняла чёрный ствол “ТТ” и выстрелила ему прямо в лицо. Не останавливаясь, юная Валькирия обошла Вырвидуба и двух спецов рядом с ним, приблизилась к тому, в которого стреляла, и сделала контрольный выстрел в голову.

– Ты чего из постели вылезла? Я бы и один справился, – уже серьезно заворчал хантер, видимо поняв, что это были не негры и что надо действовать, – одеваемся и в бой.

Могучий бритоголовый и молодая скингёрл полуобнажённые, в морозной ночной тиши, одновременно развернулись и быстро зашагали в здание бывшего склада. Хантер в этот момент громко крикнул несколько раз: “Тревога!”, а девушка палила в небо из пистолета старой советской системы “Тульский Токарев”. Так всё и началось...

Мы выскочили из гаража, когда повсюду уже кипел бой. Отскочили с дороги от стайки полицейских и побежали к центру Гетто. Каким-то чудом нам с Лёхой удалось достичь центральной площади Цитадели без единого контакта с карателями. На площади горели костры и мусорные баки, и здесь уже собралась достаточно большая толпа. В основном, это была молодёжь – такие же бездельники, как и мы с Лёхой; основные бои, судя по звукам, шли сейчас на окраинах у гаражей. Тут же были и водители нашей фуры, жавшиеся к стенке и ошалело глядя вокруг.

– Чё почём, хоккей с мячом? – подбежал к нам Шансон.

– Сами не знаем, – признался я, – фюрер сказал, как начнётся, из гаражей на площадь бегите.

И тут, в наш промзоновский пустырь, окруженный с трех сторон бывшими складами, а с одной гаражами, организованной группой вывалила толпа полицейского спецназа в шлемах с забралом, бронежилетах, со щитами и дубинами и накиннулись на мальчишек, которых избивали и уносили к выходу.

Вова-водила тут же побежал сдаваться, а вот Растаманыч, ко всеобщему удивлению, наоборот:

– Эй, космонафты, сука! Не трогайте школьников! – храбро набросился на карателей хиппи в дрэдах.

Его трясло от гнева, и это можно понять – такого по телевизору не показывают. Вот девчонке лет 14-ти ударили со всей силы дубинкой по лицу, а вот парня лет 12-ти пинают ногами трое полицейских, мальчишка лежит на асфальте и уже не шевелится. Но, к сожалению, Растаманыч ни чем конкретным нам помочь не мог, он лишь

отталкивал отдельных копов, за что и получал дубинками по дрэдам. В один прекрасный момент, его всё-таки свалили с ног, но он, упав, извернулся и укусил обидчика за ногу.

Мы с Лехой, Шансоном и Волчком уже еле отбивались, когда на наше счастье от гаражей, прямо на спины мусорам обрушилась толпа хантеров: Зверобой, Вырвидуб, Толстый, Малыш, Бычок и другие.

– В Хантер-клуб, быстро! – рявкнул Зверобой, хватая нас в охапку.

У меня квартиры в гараже остались, – заверещал Волчонок, пытаюсь вырваться из рук хантеров. Наивный ребяенок...

– С гаражами всё кончено! В клуб! – увещевал лидер Медведей юного художника, крепко схватив его за шкуру, и на бегу раздавая указания хантерам: – Ромка, взрывавай проходы! Аспиринович, беги на северную точку! Книжка, прикрой его!

Обернувшись, я увидел, что за нами увязался Растаманыч заляпанный свежей кровью, а неподалеку передвигался Толстый и пёс Киллер. Бычок же, напротив, с грозным видом – жуя жвачку, с ружьем и в маске, побежал к гаражам, прикрывая нас.

Через пять минут мы сидели в клубе. На крыше здания залегли ребята с ружьями, включая и трофейную СВДешку и пару штурмовых автоматов. Таким образом, центр Цитадели мы удерживали, а каратели, пока что, не решились на штурм.

Всего в зале Хантер-клуба нас собралось более тридцати человек, остальные были или на постах или в других зданиях по близости. За столом в центре сидел парень с большим ноутбуком, которого Зверобой представил как “Хакер”. Кроме парней, тут же были пару взрослых с винтовками, и девчонки: Скинкэт и Весёлая.

Где-то недалеко раздался мощный взрыв. Лидер Медведей покосился на монитор Хакера и прокомментировал:

– Только что Ромка и Бычок взорвали переднюю линию гаражей. Заряды были заложены заранее. Сейчас ребята ставят растяжки и минируют подходы к центру. Временно мы в безопасности. Теперь о главном – у нас есть план.

Все заметно оживились, ведь апатия и безысходность почти что парализовали всех нас. Ну Зверобой, ну реально, блин, лидер. Крутить твою гайку. Какой может быть план? Все уже давно пропало. Но нет ведь, верим же.

– Но, как всегда, – продолжил хантер, – к хорошей новости есть и плохая – план трудновыполним. Хотя, если честно, фактически не выполним.

Мы молчали: «Ну что ж, отец, порадовал. Давай, мочи дальше...».

– А сам план, – начал мочить Зверобой дальше, – у нас простой, как завтрак туриста... Убить пожизненного президента Дорогина...

Опа-пулечьки-па-па! Классно девки пляшут.

– Закопать тя в конопле, – выругался, забившийся в угол, Растаманыч, который до этого угрюмо материл действия полиции.

Но хантеры не обратили внимание на его комментарий.

– Старик, скажи, что ты пошутил, хе-хе, – спросил Зверобоя Малыш.

– Ну как тебе сказать, брат, – начал лидер Медведей, но Малыш прервал его: – Говори как есть, друг.

Зверобой серьезно посмотрел на него, подождал немного и обратился уже ко всем:

– Кто не хочет в этом участвовать, прошу обозначить себя и уйти.

Разумеется, никто не ушел. Даже хипарь возмущенно фыркнул, когда ему предложили это сделать и громко матерился. Правда, как-то по-своему, по-растамански.

– В общем так, – начал Зверобой, – мы планировали это уже давно, но именно сейчас все факторы сходятся. Дорогин должен прибыть в походный штаб этой спецоперации. Белые братья из ФСО, входящие в личную охрану диктатора, сообщили нам об этом и обещают свободный проезд в нужный час... Замечу, не из цитадели, а к штабу с Дорогиным. Мы с Хоббитом уже пять часов назад, ещё до штурма, отослали фуру на север и там сейчас ей меняют колеса и забивают кузов взрывчаткой. Но... есть и трудности: надо ещё дойти до севера Гетто малой группой, чтобы каратели непрочухали, прорваться из Цитадели и потом доехать до президента.

– Не-а, это фантастика, сынок, – заключил Малыш, – хе-хе.

– Кто не рискует, тот не пьёт тормозной жидкости, – в свою очередь заверил всех Вырвидуб.

– Пиплы, я в теме, йоу! – проорал из своего угла избитый Растоман, но на него опять никто не обратил внимания.

– Киллер говорит, что согласен, а я поддерживаю мнение своего пса, – сообщил Толстый.

– Ну ты как? – спросил я у Лёхи, отойдя с ним чуть в сторону, – что думаешь об этой аванюре?

– Как скажешь, старший, куда ты, туда и я... Только знаешь что, Славка, у меня какое-то предчувствие нехорошее.

– Чё за предчувствие, – насторожился я.

– Да нет, ничего, – замялся он, – страшно как-то...

Нашу беседу совершенно безцеремонным образом прервал хантер Ромка, влетевший в клуб, истошно крича и ругаясь:

– Суки, твари ублюдочные, суки долбанные!

– Что случилось? – сухо спросил Зверобой.

Ромка остановился, но его трясло. Он обвел всех влажными глазами и тихо пояснил:

– Акабы убили Бычка.

В Хантер-клубе повисла могильная тишина.

* * *

– Товарищ полковник, мне кажется, мы нашли его, – доложил боец спецназа, подойдя вплотную к не молодому уже, но крепкому мужчине.

Тот внимательно посмотрел на говорившего, но комментировать слова бойца не спешил, справедливо ожидая продолжения.

– Товарищ полковник, боюсь, что... это именно он, и... – спецназовец замялся.

– Витя, хватит тянуть кота за яйца, – спокойно сказал тот, которого назвали полковником. – Говори.

– Александр Петрович, боюсь, что ваш сын погиб, – тихо произнес боец и показал на тело под брезентом у стены.

У полковника был волевой подбородок и правильные черты лица. Седина уже коснулась его висков, а глаза окружали глубокие морщины, но, несмотря на это, мужчина был сильным и хорошо контролировал свои эмоции. И, все-таки, он первый нарушил молчание:

– Как это могло произойти? Вам всем были выданы его фото.

– К сожалению, он зачем-то надел маску, скрывающую лицо.

Полковник сжал плотно губы и уставился расфокусированным взглядом в одну точку.

– Ладно, Витя, иди. Ты свободен.

Мужчина с волевым подбородком и правильными чертами лица, чьи виски уже коснулась седина, но который хорошо контролировал свои эмоции, сидел на железобетонной плите среди заброшенных и разрушенных гаражей и складов. Его лицо не выражало никаких чувств. Он был хороший солдат и настоящий профессионал. Вокруг суетились военные, медики, полицейские, пару раз слышался шум вертолетных лопастей. Но мужчина был безучастен ко всей этой суматохе и суете. В течение последних часов он сидел в одной и той же позе, на одной и той же бетонной плите; казалось даже не дышит. И только два слова, слетевшие тихо с уст немолодого, но ещё крепкого мужчины, говорили о той огромной внутренней борьбе, происходившей с ним.

Первое слово было “Сынок”, а второе, при желании легко рифмовавшееся к первому, “Бычок”.

Вмиг постаревший и смертельно уставший, боевой офицер, смотрел невидящими глазами перед собой, а ветер трепал его, почти седые волосы.

* * *

– Как я устал от всей этой байды, – вздохнул Вырвидуб. – Сначала штурм, потом вы планируете уничтожение президента, а сейчас ещё и Бычок. Слишком много свалилось на мою седую голову...

– Она у тебя не седая, а лысая, – поправил кто-то.

– Врешь, собака, – вздернул подбородок здоровяк, – она, ну, голова у меня седая, просто этого не видно, бреюсь же часто... Слышь, Зверобой, – обратился он вдруг к главному хантеру, – а выпить-то у тебя тут есть чего?

Зверобой, активно дискутирующий в этот момент с двумя взрослыми, лишь зло отмахнулся на его вопрос. А Вырвидуб, пожав плечами, направился к барной стойке.

– Анархия – мать порядка, – улыбаясь, кивнул на здоровяка Шансон.

– Пьяница, – подтвердила Скинкэт, то ли с осуждением, то ли с любовью, не поймешь девчонок этих.

А Вырвидуб тем временем подрезал лучшее, что нашел в местном баре: бутылку шотландского виски и пузырь мескаля с червяком-утопленником.

– Фура, как я понял, его, – спросил Малыш, кивая на Растаманыча.

– Другой не имеем, – подтвердил Зверобой.

– И как мы вывезем такую дуру из Гетто, хе-хе?

– Не знаю, – честно признался вождь нелегалов. – Но это единственная машина, которая сможет увезти достаточное количество взрывчатки для нашей цели.

– Послушайте же наконец меня, пиплы! – возопил хиппи.

Все разом замолчали и в недоумении уставились на Растаманыча. Установилась такая тишина, что было слышно возбужденное дыхание и то, как Вырвидуб, успевший осушить мескальскую бутылку, обсасывает заспиртованного червя, причмокивает, а потом с шумом его пожирает.

– Я же реальный водила этой фуры, – спокойно начал пояснять Растаманыч, – у меня есть права, документы – я легал. Возьмите меня в группу, и я смогу вывезти нас из цитадели.

– А в этом что-то есть, – заметил один из взрослых.

– Не верю я этому волосатому, – заявил тут же другой.

– Это дело молодёжи, – отрезал Зверобой. – Мы уважаем ваше мнение, вы авторитетные бойцы, но решать будут нелегалы.

Взрослые развели руками, мол, как знаешь, а Зверобой посмотрел выжидающе на нас.

– Слушайте, – нарушил молчание Малыш, – а это маза! Можно же подбросить карателям фуру, сами даже президенту могут ее отвезти! При таком раскладе я в теме, записывайте меня в группу прорыва, хе-хе.

– И меня, меня! – заголосил Волчонок. – Возьмите меня! Я хочу отомстить за Бычка! Буду мочить легавых!

– Да помолчи ты, – отмахнулся от мальчишки Зверобой, – штанишки не замочи. Потом посмотрел на компьютерщика и уже серьезно спросил: – Хакер, ты чего думаешь?

Тот, чего-то посмотрел на своем мониторе, пару раз стукнул по клавиатуре, поправил очки на носу, мотнул своей гривой волос (которой бы позавидовал любой язычник с Растаманом вместе взятые) и выдал:

– Говоря утрированно, шанс на успех минимален. Группы сопровождения фуры, как в арьергарде, так и в авангарде, должны быть архисильны. Трансформация операции гиперважна. Регенерация политической среды в нашем континууме возможна лишь при риске в плане “Би” ...

– У меня руки так и чешутся тебе в репу с ноги заехать, – гневно заметил Вырвидуб, успевший к этому времени приговорить и вискарь, – ты по-человечески объясняй очкастый, мы парни простые, поселковые, да трущобные. А то устроил тут кафедру мегакосмических нано-секс-технологий.

Малыш одобрительно кивнул, что, мол, да, он хоть и не пьющий, в отличие от здоровяка, но очки кому-то за компанию, хе-хе, разобьет, это точно.

Хакер снисходительно посмотрел на крепышей, хмыкнул, поправил очки, и пояснил:

– Сволочей и уродов, окруживших нашу Цитадель, слишком много. Предлагаю новый план. Сдать мусорам фуру, с нашим водилой... Это, типа, круто и клёво, ага.

– Во-о! – поднял указательный палец к небу Вырвидуб. – можешь же, когда захочешь. Будь попроще и люди к тебе потянутся.

– Что для этого нужно? – в свою очередь спросил у Хакера Зверобой.

Компьютерщик покосился на монитор, стукнул ещё разок по клавише и разжевал:

– Вот карта нашего района. Инфа о перемещении карателей ко мне приходит со спутника. Итак, проходы от нас к северу Цитадели почти все перекрыты. Нужна группа прорыва – человек пять, как минимум... с оружием... Я даю каждому из группы персональный переносной компьютер, вешается на руку как часы, через него связь со мной, с нашими из ФСО (односторонняя), и там карта. ППКашники выдаю всем, потому как не известно кто из вас дойдет до цели... Единственное, что я не возьму в толк, как водитель справится один, после того, как вырвется из Гетто?

– Этого волосатого хиппи нельзя отпускать одного! – заявил один из взрослых, с таким лицом, что было ясно – этот мамонт ещё в 90-е дрэды коллекционировал.

– Меня возьмите, возьмите меня, уроды! – прыгал вокруг старших Волчонок.

– С водителем, действительно, должен быть ещё кто-нибудь, – сказал Зверобой.

– Ну, – кивнул Вырвидуб, – кто-то должен пойти с водилой до конца, чтобы произвести взрыв. Но кто?

– Я!!- завопил Волчонок.

– Да подожди ты, – одернули его в один голос сразу несколько хантеров.

И тут, вперед вышел мой напарник:

– Послушайте, братцы! А ведь в кабине фуры есть замаскированная лежанка... Ну типа чердака.

– Чё? Какого чердака? Чё за лежанка?!

– Суперски! – заорал хиппи. – Чувак реально крут... – при последних словах лицо Хакера перекошилось, словно он только что закинулся парой лимонов, – ...мы в каре действительно второй ярус заныкали.

– И сколько человек туда поместятся? – заинтересовался Зверобой.

– Ну этот Шварценегер явно туда даже не пролезет, – кивнул Растаманыч на Вырвидуба.

– Это кто это тут негр?! – взревел здоровяк, отбрасывая в сторону дубовый стол.

Его еле смогли успокоить и усадить назад, но он ещё долго ворчал: “кого он, падла, негром назвал?”. А хипарь не замечая этой сцены, продолжал:

– Вот этот биговский школьник, тоже застрянет на стадии головы... – Толстый обиделся, а вот Киллер зарычал. Потом Растоманыч проигнорировал мило улыбающегося Волчонка с поднятой, как у школьника правой рукой, и указал на Шансона.

– Вот таких дэцэлов можно попробовать запихнуть и парочку...

– Но смогут ли мальчишки убить президента, одному Яну Стюарту известно, – задумчиво закончил за него Зверобой.

– Можно засунуть туда парня постарше, но не большого, – предложил кто-то; я правда не дослушал, что ему ответили, поскольку меня оттащил в сторону напарник:

– Что, может вызовемся?

– У тебя же предчувствие, – удивился я.

– За Бычка надо отомстить – раз, мы самые мелкие, из самых боевых – два, и только наша пара сможет поместиться там – три! – отрапортовал Лёха.

Я слегка обдумал его слова и согласился.

После того, как мы сообщили нелегалам о своем решении, хантеры, посоветовавшись, одобрили его и собирать группу сопровождения.

– Отряд должен быть небольшой, иначе полицаи насторожатся, – напомнил Хакер.

– Старшим пойдет Вырвидуб, – решил Зверобой. При этом гигант радостно воскликнул: “Аминь” и зычно икнул на это. – Его замом назначается Малыш, замом Малыша – Толстый. В помощь Славке и Лёхе, запасным номером, идет Шансон. Ну и водила-наркоман... то есть растаман. И помните, бродяги, от вас зависят и наши жизни... Если вы убьёте этого урода, то операция по ликвидации Цитадели будет автоматически прекращена... Ну, с Богом!

Он всмотрелся в наши сосредоточенные физиономии и тихо добавил: – Джовинецца.

– Джовинецца! – закричали все мы, раздирая глотки и вскидывая правые руки к небу. Несколько секунд стены Хантер-клуба содрогались от наших криков. Когда же вновь воцарилась тишина, мы молча прощались, глядя друг другу в глаза.

– Возьмите меня с собой, уроды, – уже совсем тихо прозвучал голос Волчонка.

– Да подожди ты, – ответило ему дюжина глоток.

* * *

– Вперед, вперед! – командовал Вырвидуб. Вот ведь проклятый пьяница...

Он бежал первым. Сразу за ним следовал Толстый, держащий на цепи Киллера, потом шли мы с Лёхой и Шансон, сразу за нами еле плёлся Растоманыч. Процессию замыкал Малыш с автоматической винтовкой в руках.

Мы перемещались по просматриваемой со всех сторон улице Гетто и это вынуждало нас прибавить в скорости, чтобы не схлопотать по пуле от карателей. Наконец, достигнув противоположной стороны улицы, мы, прижимаясь к домам промзоны, начали продвигаться к северу Гетто. К фуре... чтоб её.

Вырвидуб, быстро выглянув в сквозной переулок, мигом вернул голову назад, достав армейскую гранату и выдернув чеку, кинул ее в уличный проем. Прогремел взрыв. Осколки ударили в бетонный забор напротив, окатив нас каменным крошевом. И тут же, здоровяк погнал дальше. Пробегая мимо взорванного переулочка, я, не выдержав, бросил быстрый взгляд туда и мигом об этом пожалел – кругом были ошметки оставшиеся от карателей.

Малыш дал в кого-то короткую очередь, видимо этот кто-то прибежал на звук взрыва, и мы вновь прижались спинами к стене очередного бывшего склада.

– Гранату, – попросил наш ведущий, глянув за угол, – там копы.

Шанс тут же сунул ему “Fa-88” (так в цитадели называли самодельную взрывчатку). Вырвидуб зажег фитиль и кинул её в уличный проем. Ба-бах! И опять мы несемся вперёд... И опять я с дуру посмотрел туда, куда только что угодила наша граната. Не сказать, что увиденное мной доставило мне огромное удовольствие, совсем не сказать...

После того, как я отблевался, мы продолжили свой путь дальше.

– Сзади полицаи, хе-хе, и они настигают нас, братцы, – оповестил всех Малыш.

Двигаясь по родным трущобам, мы, все таки, смогли слегка оторваться. Но было понятно, что это временное преимущество. Особенно мы прониклись этим пониманием, когда к нашим ногам из-за забора прилетела пара гранат со слезоточивым газом.

– Тикаем отсюда, хлопцы!

Но я и без команды уже бежал вперед что было мочи. Как вдруг... в очередном переулке все мы напоролась на баррикаду и полицейских за ней.

– Эй, нелегалы, – задиристо кричали нам из-за железных ограждений, обвешанных пуленепробиваемыми полицейскими щитами. – Сдавайтесь! Хорошо бегать!

Но мы не отвлекаясь уже ныряли в правый переулок (хотя, в принципе, это удаляло нас от цели), и лишь Вырвидуб прокомментировал заявление акабов:

– Жопа в шлеме, русские не сдаются!

Чуть пробежав вперед, мы присели рядышком на корточках, каждый контролируя свое направление, пока Вырвидуб изучал карту на своем ППК.

– Так, здесь можно по крышам пройти, – наконец выдал здоровяк.

– По каким крышам? – недоуменно спросил Лёха.

– Карта говорит, что центр Гетто перекрыт и окружён карателями. Но нелегалы наладили кое-где связь: канаты и тросы с соседними крышами. Вот.

Мы молчали. А что тут скажешь? Будем по канатикам с крыши на крышу, яко тарзаны прыгать... А-о-а-а-о-а!.. Вот как то так.

– Куда? – сосредоточенно спросил Толстый.

Вырвидуб покосился на кума и кивнул:

– Вперёд.

– Пошли.

– Только патроны экономьте.

Ага. Мы и экономим. У меня их – патронов – всего четыре штуки. Хотя у Лёхи и ваще три, но зато буржуйские. Ему же подогнали “Беретту”. У Толстого, как и у меня обрез (не в том смысле, как у евреев, а охотничий), а это тоже, знаете ли, не цинк патронов. Вы будете смеяться, но Шансон был с “калашом” и полным рожком к нему... Не будете? Ну и правильно, ведь у Малыша и Вырвидуба к их “калашам” было аж по два рожка патронов. А у Растоманыча патронов не было вообще; впрочем, как и того, из чего по врагам пулять надо. Растоманыч же против насилия.

Чуть пробежав, мы пересеклись с пятеркой нелегалов, один из которых оказался хантер Рой.

– Здорово, бродяги, – хохотнул Вырвидуб, – куда путь держите?

Кроме Роя все парни были не старше 16 лет. Но смотрели на нас смело и даже с неким спортивным вызовом.

– О-о, братцы! – обрадовался Рой.

Мы присели в кружок, не забывая поглядывать по сторонам, а хантер продолжал:

– А мы вылазку решили сделать – большой склад поджечь.

– Скрюдрайвер вам в пузо! – выругался Вырвидуб, улыбаясь. – Там же у карателей больничка, столовая.

– Ну, – важно согласился Рой, – мы ж крутые.

– Ну, лады, – выдал наконец Вырвидуб, – уходим каждый в свою сторону, надо закончить операции.

– Надо, – подтвердил Рой.

Обнявшись на прощанье с братьями по оружию, мы продолжили свой White Power путь.

Не успели мы пробежать и ста метров, как из-за угла на нас набросилось с полдюжины полицейских... Правда, это они так думали, что накинулись на нас. Действительность же была немного иной...

– Бл-я-я-я! – завизжал мент, когда Киллер вцепился железной хваткой в его паховую область, иначе говоря... яйца.

– Воночий скам! – радостно ругаясь, Вырвидуб опрокинул сразу двух карателей-самоубийц, попытавшихся обезоружить его.

В этот же миг и ко мне подскочил один из полицейских, и я, чисто на автомате, нажал на курок ружья. Дробь разорвала одежду на груди у карателя и отбросила его к стене, но он не упал, оставаясь каким-то чудом на ногах и медленно сползая по стене, пачкая ее кровью. Бронестекло на шлеме рассыпалось на мелкие кусочки, засыпав лицо полицейского. Несколько стеклышек залетело в беззвучно открытый рот и легли уже на невидящие, но широко раскрытые глаза... Меня трясло...

Из ступора меня вывели крики друзей – из-за того же угла выбежала очередная пятёрка карателей и, видя тела своих поверженных коллег, сразу принялась поливать нас из автоматов. Почти в упор! И парни кричали, а

значит – есть попадания! Я сам видел, как Киллер бросился на акабов и схлопотал, как минимум, пять пуль, которые отбрасывали и рвали его плоть. Впрочем, что не помешало ему всё-таки допрыгнуть до копов и вцепиться в горло одного из них, предварительно опрокинув его передними лапами...

И тут я понял – пули то у них резиновые. Конечно... не как у презервативов (и не вгоняйте меня в краску, парни, откуда, мол, знаешь, детёныш, о презиках – в школе капишошки делал, блин!), а плотная, жесткая – вон как Малыша скрутило, по земле катается. Это поняли и другие наши. Вырвидуб, Шансон и Толстый методично расстреляли полицаев и уже помогли встать раненым. То есть, Лёхе, который отделался легким испугом (пули сбили его с ног по касательной), Растаманычу, у которого видимо была сломана нога резиновой пулей, и Малышу, который, казалось, весь был перебитый и переломанный. Вырвидуб поднял за шкуру моего напарника, отряхнулся и тут же склонился над ещё живым карателем. Тот просил о помощи, говорил что-то о своих детях, о Боге и об общечеловеческих ценностях. Вырвидуб внимательно осмотрел раны полицейского, потом выпрямился и на распев вынес свой приговор:

– Крови зело много натекло, чадо. Не выживешь ты. Так хочет Бог. Аминь. – И коротко перерезал полицейскому горло.

– Живой я, все хорошо, хе-хе, – отхаркивая кровь, несколько поспешно поднялся Малыш.

Но потерь мы, всё-таки, избежать не смогли...

Толстый стоял перед трупом Киллера, своего верного пса, и тихо, но надрывно плакал... Ещё какие-то полгода назад я бы посмотрел на этого большого парня, оплакивающего свою собаку, как на сумасшедшего. Но сегодня, зная судьбу хантера Толстого, обделенного родительской любовью, знающего с раннего детства только одного друга – своего щенка, а потом и свирепого пса, мне самому хотелось плакать. Толстый, будучи маленьким мальчиком, жил с жестоким отцом и видел сострадание и понимание лишь от зверя, фактически от волка, сам постепенно превращаясь в нелюдимого волчонка... Мы все привыкли к Киллеру и соперничали Толстому, поэтому подошли к нему и хорошо услышали, когда он, собравшись с силами, спокойно произнес:

– Киллера надо похоронить. Я и давно понял, что транспортировать его, да и меня, на другую крышу будет проблематично. Так что всё к лучшему. Вон видно уже нужное вам здание. Я пойду медленно за вами, Киллера потащу и прикрою вас за одно. Идите.

И хантер, не дожидаясь нашего решения, принялся собирать оружие у мёртвых копов.

Вырвидуб огляделся. Из-за поворота, откуда мы только что пришли, выглядывали озабоченные рожи полицейских, но нападать она пока что не решались. Здоровяк хлопнул Толстого по плечу и махнул нам рукой:

– Вперёд.

На бегу я кинул взгляд на Толстого – тот медленно отступал за нашей спиной, давая короткие очереди в сторону копов – и я вдруг поймал себя на мысли, что вижу его в последний раз... живым.

Кипятить твое молоко, как же мне все это надоело! Как надоело терять друзей. Надоело убегать. Надоело воевать...

* * *

Мы стоим на крыше одного из зданий Гетто. Высота так себе – третий этаж, точнее четвертый, это же крыша, а само здание трёхэтажное. Отсюда идут альпинистские веревки на соседнее двухэтажное здание, на которое мы и должны перебраться. Тут же стоял старенький наш пулемет РПК.

Нелегалы, оккупировавшие данное жилище, были предупреждены о нашем приходе и относились к нам хорошо и с подчинением... Мы были легендами.

– Ну что, кто пойдёт первым? – поинтересовался Вырвидуб, подозрительно осматривая верёвки и крепления.

– Я, – тут же вызвался Шансон, и сразу же принялся стягивать с себя рюкзак.

Местный хантер по погонялу Семечка, объяснил ему, как ехать, выдал какие-то “подтяжки” с поясом и лямками для ног, штуковину под названием “восьмёрка” и привязал Шанса к альп-верёвкам.

– Пшёл! – скомандовал Семечка, слегка подтолкнув нашего товарища.

Мы смотрели на всё это действие с нескрываемым ужасом, но когда Шанс не сорвался вниз с душераздирающим криком, а вполне шустро и благополучно достиг соседней крыши, мы обступили Семечку и стали готовиться к переезду (или перелёту?). Как вдруг... большой люк, ведущий с крыши в здание и наоборот, распахнулся, и оттуда вылезла голова сталкера Твиста:

– Эй, парни! К вам тут гости, - голова убралась обратно вниз.

А дальше, как в той песне: “Вдруг как в сказке скрипнула дверь...” и на крышу вышли хантер Рой, парочка его парней, и... Волчонок.

– Привет, братцы! – радостно закричал наш доморощенный художник, подбежал к нам и тут же получил от Вырвидуба оплеуху:

– Ты что здесь делаешь?

– Я вам помочь... за вами пошёл, – мальчишка вдруг всхлипнул, – копы Толстого убили...

– Это правда? – повернулся к Рою Вырвидуб.

– Ага, – кивнул тот. – Мы услышали с вашей стороны стрельбу, и пошли на выстрелы. По дороге встретили Волчонка, он за вами увязался. Он и рассказал про вашу миссию, мы решили помочь... На спину карателям мы прыгнули тогда, когда они уже добивали... опоздали мы к Толстому...

– Лёха-сталкер, на верёвку, – страшно и как-то двусмысленно приказал здоровяк.

Лёшка, по началу, активно воспротивился такому произволу, но Семечка быстро его успокоил, и вот уже мой напарник храбро едет по верёвке, оглашая окрестные километры Гетто истошными криками.

На нас летел полицейский вертолет.

Над Гетто во все стороны разносился шум вертолётных лопастей, стрекот винта и грохот подвесных скорострельных пулеметов. Выбивая фонтанчики бетона, к нам устремилась линия пулеметного огня. А крыша – место небольшое.

...Щипать твою курицу, как умирать-то надоело... Мы бросились в рассыпную. Чтобы не тормозить процесс и не мешаться под ногами я, с залихватской матершинной бранью и проклятьями в адрес врага, сиганул по альп-верёвке к соседнему зданию. На мое счастье, стрелок с вертолета был мазилой. И, уже через минуту, я спокойно трясся от страха на соседней крыше рядом с Лехой и Шансоном. Следующим к нам поехал Малыш. И вот, Малыш с нами. “Малыш, который живет на крыше”, какие-то странные ассоциации вызывает... Следующим поехал Волчонок (молча, стиснув зубы). Вертолет за ним устроил настоящую охоту. По-моему, вдарили по нему сразу с двух пулеметов. Видя это, Вырвидуб поступил просто нереально.

Он встал в полный рост, в одной руке он держал АК (благо патронов местные нам надавали кучу и ещё две тележки), а в другой у него был единственный в цитадели пулемет РПК. И он, крича что-то про “Бога древнего” и “истребляй нечестивых”, стал стрелять со всей дури (а дури знаете ли ого-го-го и ещё “го”).

Пули окропили стальной каркас вертолета. Тот слегка присел над нами в воздухе, словно раздумывая – добить нас или развернуться к крыше Вырвидуба. Но, получив ещё пару десятков свинцовых пилюль от доктора Вырвидубова (у вертяка даже что-то задымилось), вертолет карателей все же решил повернуться к нам задом а к Вырвидубу передом. А тот все стоял на своей крыше (красиво так стоял), стрелял и кричал: “Истребляй грязнокровных!”...

Всё оружие, находящееся на борту военного вертолета (авиа-копа), направилось на здорового хантера и в течение минуты утюжило то место, где он стоял. Вырвидуба буквально разорвало на части, но я могу поклясться, что все ещё слышал его трубный голос: “Истребля-я-я-й!” (наверное, это было всего лишь эхо)...

А у Волчонка была пробита пулей голова. Нет, он ещё был жив. Дышал. Но крови было море. Да и не живут с такими ранениями...

* * *

Мы благополучно добрались до фуры. Мы с Лёхой еле-еле протиснулись в схрон кабины и затихли. А инсценировали потерю (в бою!) грузовика уже местные хантеры.

* * *

В кабине слышался разговор. Молодой человек рассказывал анекдот мужику пред пенсионного возраста:

– Идет, значит, по полю гоблин...

– Кто, блин?

– Да подожди ты! Так вот, а за спиной у него сабля...

– Шо, бля?

Дальше историю про гоблина я не услышал, поскольку меня кто-то ударил по ноге и зашипел:

– Те чё дерешься-то?

– Я?! – зашипел я в ответ. – А кто меня только что по ноге пнул?

– А ты до этого меня в бок, - обиженно пробормотал Лёха.

– Это не я, – соврал я, – тут трясет, вот сам и ударился обо что-нибудь, ага.

Трясло действительно сильно и мы с Лёхой, сидя в тесноте скрытого верхнего лежака, уже изрядно набили себе шишек.

– Не-а, – зашептал напарничек, – стопудняк, ты пинаешься.
– Все, баста! – теперь я, уже в открытую, легонько задел его по ноге.
– Тихо, а то услышат.

Мы притихли.

А в кабине анекдот травил уже Растоманыч:

– Попали, значит, на необитаемый остров трое пиплов: скинхэд, панк и хиппи...

– Ага, – согласился старый, – ну а третий-то кто?

– Чё? – не понял хипарь.

– Ну ты ж енто... сам говоришь: трое их было, ЗИЛов, ага? Мопед, танк влипли. А кто третий-то?

– Старый, ты чё, отважно погиб в бою с маразмом? Трое их: скинхед, панк и хиппи... да славится великий бог Джа... Не перебивай, старый. Так вот, еды нет, оружия нет, ничего нет. Ну скинхед и говорит: “Надо еду найти и костер сделать. Давайте разойдемся, может зверя подобьёт кто”. “Не, зверя убивать я не буду” – отвечает ему хиппи. “Почему это?” – удивился скин. “Животных убивать – отвечает брат хип, – грех. Всё живое создано Великим Джа для созидания и жизни. Цветочки, птички, животные и человек должны жить дружно. Пис, брат... я, кстати, костер делать отказываюсь, а то лес спалим и загрязним природу – мать вашу”. “Слушай сюда, сука, – ответил ему скинхед, – ща расходимся и ищем зверя, потом делаем костер и жратву. Всё, исполнять! Тебя это тоже касается” – кивнул он панку, и не оборачиваясь, пошел в лес. Полчаса скинхед бродил по чаще, но ничего съестного не нашел и двинул назад. Выходит на поляну, а панк уже сидит около костра и мясо не спеша жарит. Ну скин подсел без лишних разговоров, взял предложенный панком кусок – съел, схватил второй, быстро закинул и его с голодухи. А, когда живот набил до отказа, ремень распустил, расслабился и говорит панку: “А все же не нравится мне этот хиппи”. А панк фыркнул и пробормотал: “Не нравится – не ешь”.

В кабине фуры воцарилась тишина. Первый ее нарушил старый голос:

– И шо?

– Че “шо”?

– Ну и хде хиппи ентот?

– Съели его, старый, – уставшим голосом ответил Растаманыч.

– Но ты же сам хиппи? – спросил уже молодой.

– Да это я так... в городке нелегалов анекдот слышал...

У нас в кубрике была темень непроглядная, но мы сидели с Лехой напротив друг друга, поджав коленки к груди и опустив к ним головы, и то и дело соприкасаясь. И я слышал дыхание напарника и ощущал рядом его вытянутую костлявую ногу, поэтому, когда я слегка толкнул его, мне был хорошо слышен его возмущенный шепот:

– Ай! Опять дерешься? Или скажешь снова, что это не ты?

– Тихо. Пора, пожалуй.

Я аккуратно взял свой ствол, повернул ручку люка, поднял руку с ружьем и остановился в нерешительности. Вновь собрался... Вдох, выдох. Я спокоен. Спросил:

– Ну ты как, Лёх? Готов?

– Готов, – неверным голосом подтвердил напарник, – вот только стрёмно чего-то.

– Это ничё, – заверил я ещё более дрожащим голосом. – Ну, лады, пошли. С Богом, – и я первый раз в жизни перекрестился... вот ведь, блин. С такой интересной и насыщенной жизнью скоро в монахи уйду ваще... По активному шуршанию в лёшкином углу, я понял, что и он, видимо, сотворил крестное знамение... и, по-ходу, не один раз...

Я быстро откинул крышку люка, высунулся в кабину и наставил дуло обрез охотничьего ружья моего покойного отчима на недоуменные глаза старого полицейского, сидящего на заднем сидении прямо перед нами.

– Эй, пацан, – обратился я к копу, – двинь задницей. И не дёргайся, я стреляю метко.

Фразу эту я в каком-то фильме слышал; правда сейчас говорить такую чушь особого смысла не было – карателя и дуло моего ружья разделяло всего несколько сантиметров, но я же нервничал, щипать твою курицу.

Недолго думая, я плюхнулся рядом с пенсионером. В этот момент его на мушке своей «Беретты» держал Леха, а Растаманыч, деловито обыскав молодого полица, который был за рулём и не шибко сопротивлялся ему, наставил на водилу-мента его же ПМ. Через секунду Лёха уже был внизу, гневно зыркал на копов, вода валыной по сторонам и выдвинув челюсть до предела вперед.

– Слыш, пацан, – я снял у старого наручники с ремня, – руки за спину. А ты, водила, без глупостей, мы профессионалы.

– Да, мы профессионалы, – повторил за мной надрывно, переходя на фальцет, Лёха.

Застегнув наручники за спиной у старого, я приставил обрез к затылку водилы, сказал:

– Пр-р-р, пацаны. Приехали. У обочины притормози.

– Спокойно, спокойно, парни. Всё понял, – заверил молодой коп, – рулю к обочине.

– Вот и рули, – поддакнул Лёша, – и смотри у нас тут, без фокусов. У нас это... руки длинные, вот.

Молодой каратель с сомнением посмотрел на “длинные” (по правде говоря, просто очень худые) руки моего напарника, но комментировать его заявление не решился. И уже через пару минут, высадив полицейских, ехали в грузовике втроем: Растоманыч за рулем, я и Леха на задней седушке.

– Ну шо, хиппий, – парадирюя старого копа, произнес я, – пора прощаться.

– Ты о чём, школьник?

– Ну как же, – удивился я, машину мы вывезли, потом захватили, а сейчас пора её к презику верховному везти.

– Вот я туда как раз и еду, – он покосился на свой ППК.

– Постой, постой, я чего-то не пойму! Ты вызвался помочь вытащить из Гетто машину. Вытащил – спасибо. Но сейчас уже пошла наша работа. Это же не твоя война, Растаманыч.

– Уже моя, школьники, – устало, но сосредоточено заявил хиппи.

Мы переглянулись с Лехой: “Может выкинем этого героя из машины?”. “Не заню, Славка. Страшно как-то”, улыбка.

И я использовал свой последний аргумент:

– Растоманыч, тот кто будет за рулем – смертник. Его скорее всего убьют.

– А это мы ещё поглядим, закопать ты в конопле, кто кого убьет. Растаманыч хоть и против насилия, но иногда во мне просыпается Великий дух Маниту, и я...

– Хорошо, хорошо, мы тебя поняли, – оборвал я его гневную тираду.

Дальше мы ехали молча. Каждый из нас троих понимал, что первым убьют водителя, и, если у остальных и оставался маленький, но шанс выжить, то тот, кто будет за рулем фуры, уж точно схлопочет свинцовую маслину от снайпера. Так же молча мы притормозили и я полез в кузов устанавливать детонаторы, а ребята укрепили на дверях кабины бронешилеты, отобранные на кануне у копов, и продолжили наш путь. Установить детонаторы заранее мы не могли, поскольку справедливо считали, что при выезде из цитадели машину досмотрят в том числе и на предмет электроники и взрывоопасности. Сгустки, кучи и залитый по полу слой аммиачной селитры сами по себе, без детонатора, были не опасны. А вот если в машину попадет граната или сама взорвется, врежется, к примеру, куда-нибудь, то будет мегабум. По сему, каратели приняли решение убрать фуру, от греха подальше, из зоны боевых действий. Примерно по этой же причине я вынужден ныне ехать в кузове: нас предупредили, что у президентов этих прибор есть такой – радио импульсы посылает и электродетонаторы взрываются раньше времени. Вот и выдали нам лишь доисторические машинки – наши фирменные самодельные гранаты “Fa-88” с удлинёнными раза в три фитилями раза. И сейчас я установил две эти гранаты в разных концах кузова и включил радиосвязь через ППК с Лёхой, который ехал в кабине (если будут помехи для радио, Лёха отправит электронное сообщение).

Запищал сигнал вызова на ППК.

– Але... Прием, гы, – смешно видите ли ему, ребенок, блин.

– Да, Лёх, слышу тебя.

– О! И я, и я ты слышу, гы-гы, – радовался напарничек.

– Посерьезнее, солдат.

– Я, я, герр генерал!

– Во! Молодец, солдат. Командование Рейха щедро наградит тебя за службу... Крестами железными... извини, солдат, серебряных и золотых нет – быстро разбирают...

– О’кей, герр генерал. Какие тут могут быть претензии.

– Чё там видно, Лёх?

– Все спокойно, скоро уже будем на месте. А у тебя как? Всё готово?

– Да. Я готов.

– Ну, с Богом, старший.

– С Богом, братишка.

Мы замолчали. Я прислушивался к родному уличному шуму: голоса людей, смех, сигналы машин, рёв двигателей. Город жил своей жизнью и ничего не хотел знать о ведущейся на его улицах безжалостной войне. Но, постепенно, шум уменьшался, и вокруг не осталось ни одной машины. Во всяком случае, вблизи нашей фуры. А это значило лишь одно – мы подъезжали к закрытому и охраняемому периметру.

Словно подтверждая мои выводы, запищал ППК.

– Але, Славка, подъезжаем!

– Понял. Что вы видите?

– Обычный жилой квартал... района Алтуфьево, наверное... Только кругом указатели, что проезд запрещён, а впереди ограждение и полицаи... кстати, через этот, первый кордон, нас обещали пропустить... О! Вот это да!..

– Чё там? – оживился я.

– Прикинь, – почти кричал Лёха, – мы его ща проезжаем: копы, штук десять, как по команде отвернулись, типа, нас не видят, ха! И даже одно ограждение отодвинули, чтобы, значит, мы протиснулись. Прики-и-нь.

– Добро, – обрадовался я такому повороту сюжета, – видимо здорово надоел пожизненный президент Дорогин людям, что они так ждут его смерти. Не вы там, парни, не отвлекайтесь. План не забыли?

– А тебе какой? – влез хиппи. – Афганский, голландский... астраханский – безпонтовый...

– Ну а если серьёзно?

– Да помним мы, помним, – заверил Лёха, – ща проехали первый кордон; чуть отъедем от него, Растаманыч нас высаживает; ты в этот момент фитили жжёшь, и хиппи прорывается через второй кордон уже один. Там, кстати, скорее всего, стрелять будут...

И вновь мы ехали молча. Ровно семьдесят ударов моего сердца...Как вдруг:

– Рядом с нами взревел движок, завизжали истошно покрышки, и голос, многократно усиленный колонками, проорал:

– Грузовик “Scania”... Гос. номер: эй, си, эй, би, восемь-восемь, четырнадцать, восемь-три! Принять к правой обочине! Стреляю!

Слова у этого парня не расходились с делом – тут же прозвучала короткая очередь из автомата. Но, пока что предупредительная, в воздух.

– Славка, – раздалось в ППК, – у нас проблемы.

– Слышу, – подтвердил я.

Стрелок, тем временем, стал стрелять по колесам, а Растаманыч прибавил скорость и попросил:

– Лёша, связь не выключай, пусть будет постоянно. Славка, как ты меня слышишь?

– Замечательно, – соврал я, так как кругом стоял ор и грохот.

– Тогда послушай меня, пожалуйста. Место, где я посадить вас должен был, мы только что проехали... Фак!

Грохот взрыва.

– Че это фаернуло так? – спросил Растаманыч в шоке.

– Из гранатомета, наверное, жажнули, – предположил Лёха.

– Ну да ладно. Так вот, – продолжил хиппи, – посадить вас пока не получается, стреляют. Я буду прорываться через второй, последний кордон. А ты пока поджигай свои фитили... Они же какие-то особенные, с замедлением?

– Ага, горят ровно минуту, – согласился я, сглатывая подступивший к горлу ком.

– Вот у нас и есть всего минута-две, уже вижу ограждения второго периметра, школьники. За ним я вас и высажу.

Пока я лазил по фуру из ППК был слышен разговор:

– Йоу! Как только я приторможу, ломитесь к домам, тут жилой сектор, могут даже и не арестовать, маза фака.

– А ты как же?

– А я, школьник, подрулю к зданию, которое у нас на фотке, выпрыгну из кабины и убегу.

– Ну ты прямо как террорист-бомбардировщик из Оклахомы Тимати Маквей.

– А кто это? – заинтересовался Растаманыч.

– Белый герой Америки...

Машину подбросило, грохнуло обратно об асфальт, и вот мы снова едем вперёд.

– ...Маквей взорвал грузовую фуру полную взрывчатки и убил американского президента-еврея...

– Не президента, – поправил я своего напарника, – а штаб-квартиру ФБР.

– Нет, президента, – упёрся Лёшка.

– И как закончил свой путь этот достойный человек? – Растаманыч своим вопросом прекратил наш, не успевший ещё начаться, спор.

– О! – обрадовался Лёха возможности проповеди, – сионисты сделали суд над ним показательным...

Грохот, стрельба. У фуры уже нет целых колес, она ревет, искрится, но едет. Едет из последних сил вперёд... Ребята из Северной автослесарни Русского Гетто утверждали, что каким-то образом усилили колеса фуры жесткой резиной и им, типа, пули не страшны. Теперь я им верю.

– Все центральные каналы транслировали на всю страну казнь Маквея, как ему палач-еврей отрубил топором голову...

– Маквея казнили путем введения смертельной инъекции в вену, – вновь поправил я напарника, но на мое счастье он не стал спорить. И лишь Растаманыч уважительно заметил:

– Маквей - крутой мужик.

– Ну чё, поджигать? – склонился я над фитилём.

– Поджигай, – решительно подтвердил наш водила. – И сразу утикайте.

Рядом с фурой прогремел очередной взрыв и нас изрядно потрянуло.

– О, как фаернуло! Вот и я говорю, ща торможу по чуть-чуть и вы бегите со всех ног. У тебя, Славка, всё уже горит?

– Ага, – еле ворочая языком, подтвердил я.

Фура стала снижать скорость, пока почти не остановилась вообще.

– Все, тикайте, хлопцы! – скомандовал Растаманыч. – И, если что, говорите, что были в заложниках. Всё бегом, бегом!

Меня не надо было дважды упрашивать. И я так тикал, как ещё никто в жизни не тикал!

Пришел я в себя уже стоя за углом дома и вжимаясь всем телом в его спасительные стены. Когда я посмотрел на нашу фуру, сразу же понял, что что-то не так: Машина выехала кабиной на тротуар, почти врезавшись в жилое здание, и стояла как-то скособочившись. Но, самое главное, я нигде не видел Лёшку. Может он, конечно, уже успел убежать и спрятался, как и я. Но чего-то не похоже, да и кабина закрыта. И тут же на ППК пришла SMS...

* * *

Сообщение от абонента “Друзья”:

“Парни, подрывайте фуру. Каратель № 1 выйти из дома не может: вы стоите на его дороге, а задний ход заблокирован. Но, к нему вылетел вертолёт, и он уходит на крышу. Желательно, подвести фуру к самому зданию, но, если нет такой возможности, подрывайте её быстрее. Там где есть. Быстрее, парни”.

* * *

Я не читал сообщение. Я его проглотил. С того момента, как я выпрыгнул из фуры, прошло наверное секунд десять, а для меня это была целая вечность. Кровь стучала у меня в ушах, словно молотки в кузнице, а адреналин лился уже из глаз. И в этот же миг, мой наручный комп разразился сиреной лешкиного голоса:

– Растаманыч, Рас-та-ма-ныч, блин!! Славка! Растаманыч погиб! Пулю в лоб получил, сука! Тимати долбаный. Маквэй, сука! Славка!

– Ты чё, все ещё в кабине?! – я и сам не заметил, как выбежал на дорогу и рванул к машине. Как говорил наш епископ: “Небо любит храбрых, а судьба благоволит сильным”, – уходи оттуда, Лёшка! Ща рванет же!

И тут фура, нехотя и истошно ревя, рывками поехала вперёд. А ППК продолжал транслировать лёшкин голос, но голос этот теперь стал сосредоточенным и отстраненным:

– Нет, Славка. Слишком много наших друзей погибло, чтобы дать нам этот шанс...

– Вылазь оттуда, скотина, слышишь? – орал я в беспомощной ярости на ППК.

Сколько прошло времени? Минута, полторы или меньше? Я вспомнил, что подрывник из Цитадели объяснял мне про фитили на детонаторах: минута – это, как минимум, при идеальных условиях (абсолютно сухой фитиль, отсутствие ветра и т.д.), но идеальных условий не бывает, так что рассчитывать надо минуты на полторы. А я ещё к тому же, чтобы дать Растаманычу лишние полминуты, обслюявил фитили слегка... В общем, я придумал отмазку для своего мозга на вопрос: “Какого хрена я бегу вслед за многотонной фурой, которая вот-вот взорвется?”.

На нашу бедную машину со всех сторон – слева, справа, сверху, сзади и даже снизу обрушился град свинца. Это ещё хорошо, что я как бы прячусь за ней. Хотя каждый миг, с каждым ударом сердца я и так готовился встретить смерть во всей её красе, в тротиловом эквиваленте так сказать... В кабине сейчас, наверное, вообще жарко. Не сладко Лёшке, одним словом... Он, кстати, все ещё был жив, по крайней мере в моем ППК.

– Ща, Славка, ща. Чуток подъеду. Вон здание, через дорогу всего, – шипение, хлопок, шум разбитого стекла, – Ай, суки, попали всё-таки... Ну ничего, чуть-чуть осталось, ща...

Я не отвечал. Очень трудно одновременно разговаривать и бежать, знаете ли, со всех ног. Фура ехала медленно и я почти её догонял.

– Ща рванём вас, твари, – взахлёб вещал Лёха, как пьяный. – Это вам за Растоманыча! – машина прибавила скорости. – А это за Толстого, суки! – фура вновь газанула и даже кого-то сшибла с дороги. – И за Бычка! – рёв двигателя. – И за Вырвидуба! – рёв. – И за Волчонка, суки, за Волчонка!!

Машина на полной скорости въехала в стеклянную витрину-фойе нужного нам здания временной штаб-квартиры главнокомандующего РФ.

Слава Богу, взрыва опять не произошло. И я бежал... Нет, я нёсся, на встречу собственной гибели.

– Джовинецца, джовинецца, – плакал в ППК Лёха, – примавера ди беллецца... нель фашизмо э'ля сальвецца... – он вдруг закашлял и притих.

Сколько прошло времени, с того момента, как я зажег фитиль? Минута, две? Сколько осталось до взрыва? Секунда или миг?

Раз, два, три шага. Прыжок над раскуроченным бордюром. Сколько осталось до взрыва?... я вбежал в здание. Прыжок, прыжок, ещё прыжок. Вот я уже у фуры, вскочил на подножку. Рванул дверцу кабины...

Не поддается, чтоб её! Забилась, тварь! Заела, падла! Не хочет, сука!.. Раскачиваю, дёргаю. Не идёт! Дергаю, рву на себя, рву... Дверца резко открывается. Что-то трещит... Сколько осталось до взрыва, сколько? Лешка в кабине, весь в крови и без сознания. Хватаю Лешку и рву его на себя. Вместе с напарником вываливаемся из кабины. Тут же беру его на плечи, как мешок с картошкой и бегу к выходу... Когда же рванет, Господи? А может фитили погасли и взрыва не будет?..

Не стоит так думать... Рвануло, так рвануло!

Не скажу, что что-то понял или увидел, совсем не скажу. Помню только дикий страх, даже нет, первобытный ужас, сверхудар.

Фура взорвалась, видимо, очень хорошо и продуктивно, и сейчас все здание осыпалось вниз на грешную землю и на наши, не менее грешные, головы. Нам ещё повезло – мы с Лёхой каким-то чудом провалились в предподвальное помещение. Походу, я на пару минут потерял сознание – ведь только что бежал к выходу, а ныне лежу с Лёхой на бетонных ступенях подвального предбанника. Но, что лучше, на выходе из здания.

Придя в себя, я первым делом осмотрел своего напарника. Все было намного хуже, чем я даже мог себе представить: ну, во-первых, у Лёхи было, по видимому, пулевое ранение в живот – кровь шла до сих пор, а также серьёзные порезы рук и лица. Ну а во-вторых, Лёха был мёртв.

За двадцать секунд, которые мне подарила судьба, до падения очередного камня мне на голову, я не смог обнаружить у друга ни пульса, ни дыхания. Да и сам Лёха был синий и уже похолодел... У меня нет слов, чтобы описать свои чувства в этот момент..

Сверху на нас рушилось здание. Камни больно били по голове, заставляя уклоняться и закрываться руками. А прямо передо мной зияла огромная щель на свободу: между осевшими плитами сохранялся зазор, через который свободно мог пройти взрослый мужчина. Но, проход этот с каждой секундой все уменьшался и уменьшался. И через этот зазор я смогу выбраться уж точно лишь один, без своего напарника. Без своего мёртвого друга...

Я видел проезжую часть и синее-синее небо. Надо было сделать шаг вперед, и сразу же освободишься из этого бетонного плена (а точнее проползти три бетонных ступеньки вверх)... Но я не мог. Тысяча хачей, я не мог!

Ну что бы ты сейчас сказал, Владыко? У нашего епископа всегда находилась реплика-поучение-совет на каждый затруднительный случай. Но, по-моему, сейчас бы и ты не нашёл решения... Я же не могу бросить тут Лёху?! Что делать? Наворачивались слезы. И вдруг, в памяти всплыли слова Владыки, которые он мне говорил давным-давно в Хантер-клубе. Я как-будто вновь увидел искрящиеся голубые глаза и услышал: “Слава, если никакой надежды уже не останется, и ты спросишь у меня: что делать? – я смогу тебе ответить лишь одно – *когда нет надежды, нам остаётся лишь любить и верить, верить и любить*”.

Я посмотрел последний раз на волю, туда, где синее-синее небо, где ждёт меня матушка, сестренка и, возможно, выжившие друзья, и... лёг рядом с Лёхой, обнял его одной рукой за плечи (вдвоем не так страшно помирать) и закрыл глаза.

И тут же, как по команде, раздался оглушительный грохот, и свет погас окончательно. Я был погребен живо и выхода отсюда уже нет. Но я слишком устал ненавидеть. Я хочу верить. И любить. Я хочу, чтобы *он*, мой Лёха, жил.

Кислород быстро кончался, и дышать стало трудно. Я ещё почувствовал, как мне на ногу упал какой-то булыжник, но через несколько секунд меня сморило окончательно, и я потерял сознание...

* * *

“...Сафронов Вячеслав Анатольевич, 2003 года рождения. Погиб 04.11.2017 года. Мелков Алексей Витальевич, 2003 года рождения. Погиб 04.11.2017 года...”.

* * *

Из выступления и.о. премьер-министра РФ 5 ноября 2017 года, транслируемое по всем центральным каналам РФ:

«Членами Кабинета министров, депутатами парламента и представителями общественных организаций образовано Правительство народного доверия для выхода из сложившегося государственного кризиса. Мы декларируем отказ от курса бывшего президента Дорогина. Объявляется конец гражданской войны и амнистия политическим заключенным, комендантский час и военное положение отменяются, иностранные войска принуждаются к уходу с территории новой России. В новое правительство приглашены представители оппозиции, в том числе националисты и представители молодёжи. Но при этом мы также подчеркиваем, что новая Россия будет идти путём демократических преобразований, справедливой национальной политики в рамках международного права. Но с антинародной и диктаторской политикой бывшего президента Дорогина мы также прощаемся навсегда...».

* * *

ЭПИЛОГ

Первым, что я почувствовал, был яркий свет. А значит, я жив! Итить-колотить. Все было смутно, как в тумане, и, чтобы сфокусировать картинку, я хорошенько проморгался. Надо мной были все те же бетонные плиты и серые стены в трещинах, и все тот же зазор между ними – мой билет на свободу! Видимо, обвал здания закончился и плиты сместились, в итоге, сохранив мне не только жизнь, но и путь назад... Но какой смысл в жизни, когда ты потерял всех, кто тебе дорог?..

Тут я вспомнил о Лёшке. Резко повернул голову, так, что она разом закружилась, загудела и, даже, пару секунд тихо материлась, собака. А потом, я увидел Лёху. А Лёха...

А Лёха, как и я, несколько секунд пялился на проём в плитах, щурился от яркого света и периодически моргал. Я перестал дышать от такой картины. А мой напарник тем временем перевел недоуменный взгляд на меня, несколько долгих мгновений рассматривал, словно не узнавая, а потом оскалился широкой улыбкой и хохотнул:

– Ты чё обнимаешься? Ориентацию поменял?

– Иди в баню, – оттолкнул я своего воскресшего товарища. И, уже не скрывая радости, закричал: – Лёшка, ты живой!!

– Да вроде бы не мёртвый, – согласился Лёха, но в его взгляде, тоже читалось недоумение. Он неловко похлопал себя по ногам и корпусу, словно проверяя все ли части тела на месте, а потом задрал свитер и уставился на свой живот.

– Слушай, Славка, а у меня вроде бы пулевое было на животе?

– Было такое дело, – согласился я, улыбаясь.

– А ща тут лишь царапина какая-то от осколка... Хотя кровящи до фига, – с гордостью закончил он.

– Значит, пуля, пробившая твой свитер, была ослаблена рикошетом или типа того, а кровь натекла от пореза стеклом, - я сам не верил в то, что говорил, но какое-то объяснение надо же было найти. А ещё нам надо было не философствовать, а бежать со всех ног отсюда, посему я и схватил напарника и потащил его (и себя соответственно) к проему, на улицу.

Через минуту, мы шли по спальному району Москвы, прижимаясь к домам и стараясь идти в тени. Вокруг выли сирены, слышался рев двигателей и рокот вертолетных винтов. Но людей было мало, видно ещё функционировал охранный периметр.

Мы уже отошли от злополучного здания на пару кварталов, когда на наши, еле живые ППК, пришло сообщение от абонента “Хакер”: “Парни, если вы все ещё живы, то знайте, что вы всё-таки мертвы. В данный момент я забиваю это во все базы данных. Теперь ты Лёша – не Лёша, а Беня Шерман. А ты, Слава – Фред Пери. Вся инфу про ваше прошлое, Фрэд и Бэн, я скинул сюда же, на ваши ППК. Все прошлые сообщения (включая это) уничтожаются. Да здравствует цифровая RaNoWa!”. А через секунду на экранах появился запрос: “Вы действительно хотите удалить все сообщения? Yes/No”. И, не дожидаясь от нас команды, кто-то в ППК нажал “Yes”. Вдарить бы этому “кому-то” по очкам... Но, как оказалось, сделано было это вовремя.

Выйдя на очередную улицу, мы обнаружили столпотворение народа вблизи перекрытой полицией дороги. Я резко развернулся и потащил Лёху за собой. Но не прошли мы и пару улиц, как почти прямо перед нами дорогу перекрыла пара “коп-газелей”, и тут же шустрые каратели, вылезшие из бронемашин, оцепили этот проход и стали проверять документы, пропуская людей. Мы повернули назад, но и на том конце улицы оказался переездной КПП.

Практика перекрытия улиц для проверки документов была введена правительством уже давно для поимки нелегальной молодежи. Поэтому я слишком не удивлялся, но переживать переживал – а вдруг по наши души.

– Да-а-акс,- протянул офицер, всматриваясь в свой ноутбук с нашими физиономиями в анфас, профиль и чуть ли не в 3D-формате, – и чё енто тут у нас? Ага, ты значит у нас Фрэди Педри? – последнее слово каратель словно плюнул, и показал грязным указательным пальцем с грызанным ногтем на Лёху.

– Дяденька полицмент, – не стушевался мой напарник, – вы ошиблись, я Бенья Шерман, проживающий на улице Третьего Интернационала, дом 7/40. Мой отец – всемирно известный музыкант.

– Да уж вижу, что не дворник, - недовольно проворчал серый скам.

...Ишь ты, он и в музыке, падла, разбирается. Может ты ещё и марки коллекционируешь? Уже почти пять минут этот хмырь проверял наши документы, т.е. ППК, сверяясь с полицейскими базами. Больше всего его, видимо, настораживал наш внешний вид: грязные, разбитые, в критическом возрасте, очень молодые люди со славянскими физиономиями явно что-то не договаривали. И, если бы у нас были фамилии типа Петров-Иванов-Сидоров, сидеть бы нам уже как пять минут на допросе у прокурора, с применением к нашим скромным персонам “воздействия пятой степени” (это когда пизд...т на х...й).

– Ла-а-дно, – наконец сказал коп, приняв какое-то решение, – вы, детишки, у нас в VIP-списке. Таку шо, идите, свободны вы, ага...

Удаляясь от охраняемого периметра и полицейских, мы блаженно улыбались, а иногда даже истерично хохотали. То ещё зрелище, знаете ли. А над нами сияло яркое солнце Свободы.

* * *

POST SCRIPTUM

– Здравствуйте, молодые люди.

– Здравствуйте, мадам Слоновски!

Мы зашли за ней в двери приюта, и сняли в прихожей верхнюю одежду: у меня было классное пальто “Thor Steinar” и клетчатая кепи, а у Лёхи шикарная куртка “Lacoste” – да, мы приоделись на сегодняшнюю встречу и приняли образ богатеньких сукинов сынов.

Мадам Слоновски была личностью колоритной: сто килограмм живого веса и живой энергии харизматично и грамотно правили этим приютом для ребят нашего возраста. Но мы с Лёшкой, разумеется, не собирались оставаться надолго в этом гостеприимном учреждении, или как-то ближе знакомиться с госпожой Слоновски. Нас интересовало нечто иное. Где-то здесь, в недрах этой детской тюрьмы, они держали нашего Волчонка. Живого ли?

– Я посмотрела ваши документы, – тем временем вещала хозяйка детдома, степенно шествуя чуть впереди нас, – вы, мальчики, в так называемом правительственном VIP-списке, Бени и э...

– Фрэд, – подсказал я.

– Да-да, конечно, мой милый Фрэди. Так вот, вы говорите, что Саша ваш добрый друг и хороший знакомый и что ваш дядюшка готов его усыновить. Я вас правильно поняла, молодые люди?

– Ага, – буркнул Лёха. Он себя чувствовал явно не в своей тарелке. Все эти великосветские беседы сильно его напрягали: “будьте любезны” да “пожалуйста, мерси”. Последний раз с ним так разговаривали два криминальных элемента на трех вокзалах, пытаясь развести на последнюю сторублевку и старенькую кожаную куртку.

– Но ведь наш Сашенька обычный мальчик, - удивилась хозяйка жизни и смерти местных детишек. – Кто бы мог подумать? Но, вы знаете, – она вдруг резко остановилась и развернулась к нам, став совершенно серьезной. – Он же был смертельно ранен. Да! Врачи его чудом спасли. К нам он поступил с ужасными послеоперационными шрамами на голове! Он совершенно ничего не помнит из своей прошлой жизни!

– Да, вы нам об этом говорили, мадам Слоновски, – я переглянулся с Лёхой. Мы давно уже решили, что амнезия Волчонка или отмазка для нас, или хитрость самого Волчонка (лучше уж жить в детдоме, чем в колонии для несовершеннолетних преступников). – Но может память постепенно возвратится к нему?

– Не думаю. Давайте пока пройдем в мой кабинет, хорошо?

Мы не возражали. Вообще-то, рядом с такой основательной женщиной возражать как-то не хотелось. Боязно, блин.

Мы вошли в уютную комнату, заставленную грамотами, кубками, лицензиями (всё это в рамочках и на шкафчиках), а так же цветами и небольшими деревцами – пальмами и прочими авокадами (всё это в горшочках и бочёнках с землёй).

– Вот, смотрите, – мадам Слоновски достала какие-то фотографии, – это рентгеновские снимки головного мозга Саши, а это мысленная активность в разных полушариях его мозга... я сама толком не поняла докторов. То ли электромагнитные излучения изучает, то ли ещё чего... в общем, у вашего друга, если это конечно он, полностью не функционирует та область мозга, которая отвечает за память, а точнее, отвечала за память, потому как... – она на секунду замялась, – потому как при операции, чтобы спасти Саше жизнь, ему была произведена трепанация черепа, или что-то типа того, и удалена часть уже мёртвой ткани мозга. Совсем маленький, незначительный кусочек... но, доктора-хирурги просто в шоке были от такой удачи, говорят, что это было какое-то чудо! Лучшие специалисты в своей области, между прочим...

Она ещё что-то говорила громогласное и жизнеутверждающее, но я её уже не слушал, переводя недоуменный взгляд с фоток на Лёху и обратно. Наконец, я выдавил из себя:

– Так чего, он теперь получается инвалид, что ль? Не сможет запомнить, сколько будет дважды два?

Мадам Слоновски засмеялась, интеллигентно закрывая рот своей ладошкой размером с мою голову:

– Да что Вы, Фредди, у мальчика замечательная память и вообще Саша очень сообразительный и умный. Он великолепно рисует...

– Рисует?! – в один голос воскликнули мы.

– Ну да, – поняла по-своему нашу заинтересованность воспитательница и словоохотливо пояснила, – мальчик пишет замечательные картины. У него талант!.. Правда, часто рисует всякую чушь: пистолеты, там автоматы, ружья, гаражи какие то. Но он же мальчишка, понять можно... тем более он такое пережил, – она вновь понизила голос и стала серьёзной.

– Ведь Вы знаете, что с ним произошло, и как он получил ранение?

Мы с Лёхой старательно изобразили на лицах махровую неосведомленность.

– О-о! Он был похищен фашистами в ходе последних беспорядков, и удерживался ими в заложниках. Да! Это ужасное событие не могло не сказаться на психике мальчика, и то, что он абсолютно не помнит эту историю даже хорошо. Так вот, когда правительственные войска совершали операцию по освобождению заложников, эти звери – фашистские молодчики – застрелили Сашу контрольным выстрелом в голову. Да! Эти экстремисты тогда стали убивать заложников! Но, слава Богу, Сашеньку спасло чудо, и он остался жив.

Перед моими глазами вновь встала картина того дня: худощавая, маленькая фигура Волчонка висит на веревке над землей, а над ней, как огромный коршун навис силуэт рокочущего и извергающего пламя полицейского вертолета. Трассеры разрывают воздух совсем рядом с мальчишкой и вот-вот срежут его как траву. И в этот самый момент, на соседней крыше, в полный рост, поднимается Вырвидуб, в одной его руке старенький пулемет, а в другой автомат... На это все, баста. Я крепко сжал до боли кулаки и заставил себя сказать:

– Какие негодяи эти фашисты. Просто нелюди какие-то!

Видимо Лёха испытывал похожие чувства и, еле скрывая эмоции, он перешёл от болтовни к делу:

– Мадам Слоновски, мы можем увидеть Вол... Сашу?

– Конечно, конечно, – засуетилась она, убирая фотки в стол и вставая с шикарного кожаного кресла. – Пройдемте сюда, мальчики.

Мы прошли за Слоновски несколько коридоров и комнат, как вдруг, очутились в обширной комнате, по размерам более походившей на малый спортзал. В середине стояли диван и кресла, на которых, в непринуждённых позах, развалилось полдюжины мальчишек и девчонок, смотрящих на большом экране телевизора какое-то ток-шоу и громко беседуя. Как только мадам Слоновски была замечена ребятами, позы их стали благопристойными, лица серьёзными, разговор стих, а ток-шоу чудесным образом сменилось на балет “Лебединое озеро” на канале “Культура”. Но среди этих ребят Волчонка не было.

И тут, мы увидели его, стоял он чуть в стороне, спиной к нам, практически в углу комнаты, но я сразу понял, что это именно он – Волчонок.

Когда мы уже подходили к нему, я разглядел, чем он занимается. Разумеется, Волчонок рисовал.

– Саша, – обратилась Слоновски к Волчонку, – ты можешь уделить нам с ребятами время?

– Конечно, Гертруда Марковна, – он развернулся к нам и стал с интересом нас разглядывать.

И тут, у меня не осталось больше ни каких сомнений – Волчонок нас абсолютно не помнит. Даже нет, не так, – он нас не знает.

– Привет... Саша, – промямлил Лёха, глядя немигающим взором на Волчонка... Или не Волчонка. Какое мы имеем право так называть совершенно другого человека?..

– Здравствуйте, ребят, – потупил взор “Сашенька” и даже сделал шаг назад.

Ишь ты, молотить твою кочерыжку? Воспитанный какой. Интеллигент-скромняга.

– Саша, ты не помнишь этих мальчиков?

– Не-а. Вы же знаете, Гертруда Марковна, что я из прошлого ничегошеньки не помню. Вот ведь вывернул-то как! “Ничегошеньки”, блин. Ща, жди, я тебя быстро раскушу.

– Мадам Слоновски, Гертруда Марковна, можно мы поговорим с Сашей наедине? – предложил я.

Она с сомнением посмотрела на нас с Лёхой, потом на Волчонка, но всё-таки милостиво согласилась, и даже отойдя к дивану с ребятами, сделала телевизор погромче. Воспи-и-и-танная.

– Ты чё дурака-то включаешь? – начал я.

– Какого дурака? – удивлённо спросил Саша.

– Ты чё тут дуру-то гонишь? – зашипел я, подступая.

– Какую дуру? – недоумевал он, и, на всякий случай, покосился в сторону мадам Слоновски.

– Волчонок, – взмолился Лёшка, делая, как и я, шаг вперед. – Ты нас чего, вообще не помнишь?

– Нет, – признался он, отступая. Но мне показалось (наверное, просто показалось), что при упоминании имени “Волчонок”, его глаза слегка расширились, словно ему это понравилось, нет, не вспомнил, а чисто на уровне ассоциаций.

– Ладно, пойдем, Лёха, – устало махнул я. – Пока, Волчонок.

– До свидания, ребят, – вежливо откликнулся экс-сталкер и бывший нелегал.

– Мне так жаль, что Саша не вспомнил вас, – сопереживала нам мадам Слоновски, стоя на крыльце приюта.

– Но я была практически в этом уверена. Вы знаете, сюда же приезжали полицейские, следователи. Да! Нужны были свидетельские показания Саша, чтобы судить злодеев. Его проверяли на “детекторе лжи”, допрашивали под гипнозом, кололи “сыворотку правды” и делали энцефалографию. Но всё тщетно. Он совершенно ничего не помнит.

– Мадам Слоновски, мы пожалуй пойдем, – вяло предложил я.

Я еле ворочал языком, а на Лёхе вообще не было лица, только что не плакал. Видя наше убитое состояние, Гертруда Марковна, взмахнув руками, залепетала:

– Но вы к нам приходите ещё, мальчики, будем очень рады. И знаете ещё что? Я вам на память дам Сашины картины. Да! Все равно у меня они без дела валяются.

И она тут же забежала обратно в здание.

– Уроды, – заявил Лёха, – как лягушку его препарировали!

– Ну да, – согласился я с напарником. – А потом ещё допрашивали, твари, кололи всякую дрянь.

На пороге вновь возникла габаритная фигура мадам Слоновски:

– Вот, мальчики, держите. Прямо от сердца отрываю, – и она сунула нам в руки охапку листов формата А4, которые были изрисованы карандашом или красками, и сильно помяты.

Удаляясь от детского приюта, я не выдержал и кинул прощальный взгляд на владения мадам Слоновски. Могу поклясться – в окне, глядя нам в след, стоял Саша Волчонок...

Как много мы потеряли друзей! Уже две недели пытались найти кого-нибудь ещё. Две недели и лишь две встречи – с Малышом и с Волчонком.

Малыш был жив-здоров. Открыв нам дверь своего дачного домика, он посмотрел мимо нас, сказав: “Вы, ребят, хе-хе, ошиблись. Здесь такие не живут”, и захлопнул дверь обратно. За его спиной хорошо угадывалась женская, мало одетая фигурка. На телефон после этого он не отвечал...

Ну, про Волчонка вы уже знаете. Растоманыч погиб. Бычок погиб. Толстый погиб...

Зверобой погиб, как истинный лидер и командир – на крыше Хантер-клуба, весь в ранениях и перевязках, со стволом в каждой руке.

Кстати у Скинкэт родится сын, через восемь месяцев. И она назовет его в честь отца – Вырвидубом... Но это уже совсем другая история.

А пока, мы сидели на лавочке и со смехом рассматривали подаренные нам мадам Слоновски рисунки Волчонка, запивая все это дело пивом и заедая сухариками. Ну а фигли?

– Смотри, смотри, композиция “кот и сметана”, – смеялся Лёха, тыча пальцем в очередной шедевр, на котором, вполне реалистично, был изображён жирный котяра, сидящий по-человечьи на заднице перед пустой банкой с надписью “сметана”.

– Во! – достал я новый лист. – А это, наверное, его девушка!

С листа А4 на нас смотрела девчонка с рыжими косичками волос, словно две антенны, улыбкой до ушей и прыщами по всему лицу. Рисунок был явной карикатурой.

– О, кого я вижу! – засмеялся мой друг, лицезря ещё один эскиз Волчонка.

Это была госпожа Слоновски собственной персоной. Правда узнаваемости Гертруды Марковны сильно мешали огромные уши слона, приделанные к ее голове автором, и уж очень большая пятая точка (сиречь – задница). Давно я так не смеялся...

Глядя на следующий рисунок Волчонка, мы перестали даже улыбаться. Холодок прошёл по моей спине.

Пруд. На берегу сидит в плавках Волчонок. Сияет солнце. Но не это главное. Главное, что с ним купаются и загорают мальчишки в татуировках и с короткими стрижками... Кроме одного волосатого парня...

Мы резко переглянулись с Лёхой, и я начал быстро перелистывать оставшиеся рисунки. Последний из них также привлек наше внимание. На нём были изображены гаражи. Старенькие, потёртые гаражи. А на этих гаражах стояли ребята, сияло солнце, и ребята улыбались. Один мальчик был в майке с изображенной на ней мордой быка. На другом гараже стоял толстый парень с собакой. На третьем, маленький мальчишка, смутно напоминающий Сашу Волчонка. На другом гараже, наоборот, огромный парень, в одной руке у которого был большой автомат, а в другой обычный.

А ещё, на одном из гаражей стояла девочка, наверное, лет пятнадцати на вид. И, хоть лицо её было не чётким, юный художник как-то смог передать красоту этой девушки. И всем, кто бы увидел данную картину, стало бы ясно – это очень красивая девушка.

Очень красивая, белая и гордая девушка...

* * *

Нет, это была ещё не национальная революция. И даже не её преддверие. Это была обычная история, из жизни обычных ребят, которые необычно поступают и совершенно обычно дружат. Это история о любви и ненависти, о жизни и смерти. И о чуде. Конечно же, о чуде! Короче, это история о молодости. А молодость никогда не бывает легальной. Она всегда нелегальна. И стоит в оппозиции ко всему остальному устаревшему миру.

All be back...